

Разрушу твою жизнь

Автор:

Елена Рахманина

Разрушу твою жизнь

Елена Рахманина

Пламя #5

«Всё очень просто, – произносит Шамиль с ухмылкой, так и не взглянув в мою сторону. Будто меня и не существует. Будто для него я вещь. – Я верну всё, что принадлежало её отцу, только при одном условии».

«Каким?» – спрашивает мой так называемый жених. Я ощущаю волну бесконтрольного гнева, исходящую от него.

«Я заберу твою невесту в свою собственность», – улыбка моего врага превращается в зловещий оскал, заставляющий сердце биться чаще.

Мне казалось, я нахожусь на своей казни. Знакомые мужчины рядом, которых я считала защитниками, превратились в свидетелей. Один взмах топора – и голова покатится к ногам Шамиля. А он наконец сможет взять меня за волосы.

Содержит нецензурную брань.

Елена Рахманина

Разрушу твою жизнь

Глава 1

– Это хорошо. А то кем бы ты была, если бы переспала с тем, кто заказал твоего отца, – произносит деловой партнёр Василия Вишневого. Моего папы.

Соломон – человек, отправивший меня на работу в клуб «Рай», чтобы добыть компромат на владельца известного на весь город заведения с сомнительной репутацией. В которое, несмотря ни на что, продолжали наведываться все важные шишки, знаменитости, министры, бизнесмены нашей страны.

А я, к собственному ужасу, влюбилась в это чудовище, от прикосновений которого плавила и млела ещё десять минут назад.

Должно быть, именно такие ощущения возникают при взрыве атомной бомбы. Слова Соломона окатили меня горячей, удушающей волной. Лишающей возможности дышать, стоять. Превращая моё сердце и моё тело в камень. Безжизненный. Мёртвый. Перемалывая все чувства внутри, как через мясорубку.

Только по щекам по инерции катились слёзы, которых я не сумела сдержать. Жалящие мою обожжённую плоть.

– Почему вы раньше не сказали? – спрашиваю, борясь с рыданиями, сдавливающими моё горло.

– Я знаю тебя, Лисёнок. Ты бы не сдержалась. Не хотел тобой рисковать.

– Какие против него доказательства? – упрямо гну свою линию, хватаясь, подобно утопающему, за соломинку. Призрачную надежду на то, что эти слова – жестокая ложь. Шутка. Попытка меня наказать.

– У него имелся мотив. Но какой, ты и сама скоро узнаешь. К тому же убийца – человек Ямадаева, – сухо пояснил Соломон, разглядывая, как я разрушаюсь на его глазах.

Ища опору, вжалась в холодную стену туалетной кабинки, в которую он меня затащил. Опасаясь, что просто сползу на пол.

С губ сорвался стон боли от этой информации. С каждой секундой становилось всё хуже. Мне казалось, что предел боли я когда-то уже постигла. Но нет. В

данный момент я изучала её новые грани.

– Будь благоразумна, Василиса. Не позорь своего отца. С твоей помощью мы сможем уничтожить Ямадаева. Помни об этом. Ты ведь именно этого хотела?

– Да, – едва слышно выдыхаю.

Он улыбается своей фирменной очаровательной улыбкой. Кладёт горячую ладонь на мою талию, притягивая ближе, заставляя меня задохнуться от аромата его парфюма. Я не оттолкнула его лишь потому, что находилась в оцепенении. В шоке.

– Ты же знаешь, что можешь на меня положиться. Если нужна будет помощь, я к твоим услугам, Лисёнок.

Мне хотелось послать его ко всем чертям. Его слова были смешны. И мне хотелось высказать всё, что накипело. Но Соломон, удовлетворённый моим убитым состоянием, вышел, оставив меня наедине с новым кошмаром.

Я села на крышку унитаза, не понимая, как смогу себя собрать. Как выберусь с этой вечеринки, миновав Ямадаева. Мне нужно переварить полученную информацию. Убедиться, что Соломон не врёт. Хотя в глубине души я поверила ему сразу.

Время неумолимо истекало. Я знала, что Шамиль заподозрит неладное, если я не появлюсь.

Вывалилась из кабинки, встречаясь с собственным отражением в зеркале. Глаза стеклянные. Жуткие. Испуганные и пустые.

Включила воду в умывальнике, глотая холодную жидкость в надежде, что она немного заглушит пожар внутри меня. Смочила ладони, прикладывая их к пылающему лицу. Но ничего не помогало. Дышать совершенно нечем.

Одно радовало. Кажется, в туалете во время этого диалога никого не было.

Голова кружилась, воздуха не хватало. И я даже не заметила, когда в помещение вошла девушка.

Прохладные пальцы сжали моё предплечье, удерживая от падения. Я и не поняла, что мои коленки подгибались, а я неумолимо оседала на пол.

– С вами всё в порядке? – раздался мелодичный голос.

Я повернула лицо в сторону незнакомки. Тонкая, высокая. Старше меня лет на восемь и безумно красивая. Как эльф. Под платьем из серебряного атласа выпирал небольшой животик. Не знаю, какой месяц беременности. Она вся такая худенькая, что, может, и пятый.

Беспокойство, которое я прочитала в её глазах, задело что-то внутри меня. И слёзы покатались с новой силой. От острого ощущения потери. От осознания глубины собственной ошибки. Слишком крупный просчёт я допустила в отношении Хозяина.

Качаю отрицательно головой, не в силах произнести и слова.

– Пойдёмте, вам нужно подышать свежим воздухом. Похоже, у вас паническая атака. С кем вы тут? Может, кого-то позвать?

Её голос действовал как анестезия.

– Нет.

Мысль о том, что я сейчас могу увидеть Шамиля, причиняла боль.

Она вывела меня на террасу. Короткая дорога размазалась в одно пятно. Яркую кляксу из бриллиантов проходящих мимо дам.

Здесь было холодно. Но мне стало легче.

– Посидите чуть-чуть, я позову мужа.

Незнакомка помогла мне опуститься на скамейку. И я уставилась в одну точку, неспособная даже думать. Анализировать. Стоило мозгам заработать, как я принималась перебирать в памяти каждое мгновение рядом с Шамилем.

– Якуб, девушке стало плохо. Нужно отвезти её в больницу, – шум из глубины дома на миг проникает на террасу.

Я поднимаю голову, встречаясь взглядом сначала с синими глазами мужчины, которого ранее уже имела честь видеть в доме Шамяля. А затем и с самим Шамилем.

По коже прошёл холодок. Мы смотрели друг другу в глаза целую вечность. И те пятнадцать минут, что нас разделили этим вечером, слишком много изменили между нами.

Шамиль опустился на корточки рядом со мной, так что наши лица оказались почти на одном уровне.

Пыталась собраться, вспомнить человеческий спектр эмоций, которые могла бы ему продемонстрировать. Но внутри нашлась только чёрная дыра. Бесконечная пропасть. Поэтому я продолжала транслировать лишь необъятную пустоту.

– Лиса, что случилось? – его рука тянется к моей щеке, и я непроизвольно, не контролируя своё поведение, отстраняюсь.

Он хватает пальцами воздух, зажимая их в кулак и сводя брови. Не понимает, что происходит.

– Ничего, – глухим, заплаканным голосом отвечаю, – мне нужно домой.

Я успела позабыть, что кроме нас здесь ещё два свидетеля. И вдруг до меня дошло – эта милая девушка наверняка поняла, что я пришла именно с Шамилем, но ничего ей про него не сказала. Потому что видеть его не желала. Сумеет ли она сложить дважды два?

Судя по кольцам на безымянных пальцах, она пара синеглазого. А значит, связана с Ямадаевым. Да и то, как синеглазый обнимал её, словно желая укрыть от всего мира, говорило лучше штампа в паспорте о том, кем он ей приходится.

На секунду пронзила острая зависть. Но сейчас мне совсем не до грёз о семье.

– Оставьте нас, – не отрывая от меня цепкого взгляда, словно опасаясь пропустить эмоцию, попросил Шамиль своих друзей. Хотя просьбу это мало напоминало. Слишком резко звучал его голос.

Не желала оставаться с ним наедине. Опасалась, что сорвусь. Вцеплюсь в его шею и вырву кадык зубами.

Умоляюще взглянула на девушку. Она на секунду замешкалась, но её спутник решил всё за неё, увлекая за собой.

Дверь захлопнулась.

Шамиль снял с себя пиджак, накидывая на мои плечи. Меня знобило. Но я этого почти не замечала. Мне нравилось, что здесь холодно. Мороз остужал чувства.

– Тебя кто-то обидел? – ещё один вопрос. На этот раз заставивший мои губы изогнуться в подобии улыбки. Циничной.

Ты. Ты обидел. Сердце моё забрал и сжёг. А пепел засунул обратно в грудную клетку.

– Я домой хочу. К себе, – повторяю, но так, чтобы у него не возникло сомнений, какое место я называю домом.

– Зачем? – он всё же прикасается ко мне, проводит костяшками пальцев по холодной щеке.

Мне больно от этого жеста. Я готова разложиться на атомы прямо здесь. Закричать во всю силу лёгких, чтобы хоть как-то ослабить муки.

А он продолжает смотреть на меня так, что мне привиделось, будто я лежу в нагретом солнцем водоёме, вечером, после дневного зноя. Когда вода как парное молоко. Мне хотелось нежиться в этом взгляде. Превратиться в кошку и потереться мордочкой о ноги хозяина.

Нужно любым способом прогнать это выражение из глаз. Чтобы он больше никогда на меня так не смотрел.

– Всё кончено, Хозяин, – заставляю себя улыбнуться, склоняя голову, изучая красивого мужчину напротив. Чудовище. – Я наигралась и больше не хочу тебя видеть.

Возможно, секунду назад мне лишь почудились его ответные чувства. Вся эта теплота в его взгляде. Узкая створка, которую он приоткрыл, позволяя заглянуть в душу, только что резко захлопнулась.

– Кто тебе сказал, Маугли, что правила игры выбираешь ты? – интересуется ледяным тоном, поднимаясь и увлекая меня за собой.

Я слишком паршиво ещё себя чувствовала и едва устояла на ногах. Но, на мою беду, Шамиль и не думал меня отпускать. Притянул к груди в собственническом жесте с такой силой, что мне показалось, я сейчас сломаюсь. Свободной рукой провел по голове, надавливая пальцами на череп, и впился в мой рот.

Не успела среагировать. Оттолкнуть его, не позволить этому поцелую случиться. Но слишком поздно. Он завладел моими губами, проникая языком в рот. Яростно сминая, словно хотел причинить боль.

Мне стала совершенно непонятна реакция тела. Оглушающая странным желанием вопреки всем доводам разума. Именно она испугала меня сильнее, чем его напор.

Чтобы прекратить эту пытку, я на мгновение расслабилась в его руках. Позволяя поверить, будто я сдалась. Ощущая, как его руки исследуют моё тело, как широкая ладонь сжимает мой зад, притягивая к паху. И когда горячая волна обдала низ живота, я укусила его за нижнюю губу, пока на языке не появился металлический привкус.

Глава 2

Шамиль с шипением отпрянул, прикладывая пальцы к окровавленным губам, не веря в случившееся. Поднял на меня удивлённый взгляд, в котором плескалось бешенство. В тусклом свете даже привиделись языки пламени, плясавшие в его радужке.

– И что ты мне за это сделаешь? Ударишь? – Не понимаю, почему всё ещё здесь. Почему так веду себя. Почему не разворачиваюсь и не покидаю это место.

Почему не могу перестать смотреть на него.

Мне хочется, чтобы он причинил мне физическую боль. Чтобы я на своей шкуре испытала, насколько он плохой. И не тянулась к нему всеми фибрами души. И ради этого я готова была вытряхнуть из него всю его знаменитую выдержку.

– Порка тебе бы не помешала, Лиса, – с явным намерением исполнить сказанное произносит, сжимая мою руку чуть выше локтя и вытаскивая с террасы.

Мы тут же окунаемся в гущу вечеринки. Гости под градусом бесплатного алкоголя за время моего отсутствия успели перейти на новый уровень развлечений.

Если до этой секунды я мечтала сбежать отсюда. То теперь передумала. Бредовая мысль довести Шамиля до белого каления не отпускала. Стало жизненно важным увидеть его в истинном свете.

Выхватываю у проносащегося мимо официанта бокал шампанского с подноса. Под тяжёлым взглядом Шамиля залпом опрокидываю его в себя.

Нужно заглушить боль любым способом. Я не так часто пью, и алкоголь почти сразу ударяет по мозгам. Мир раздваивается в свете неоновом освещении.

Становится жарко. Здесь совсем не так легко дышится, как на террасе.

– Отпусти меня, – дёргаю за руку, и его пальцы медленно отлепляются от моей кожи.

Скидываю с плеч пиджак, возвращая его владельцу, и направляюсь туда, откуда доносится музыка.

Отчего-то почти уверенная в том, что Шамиль меня остановит, я устремляюсь к барной стойке, заказывая ещё порцию алкоголя. Пока девушка-бармен смешивает для меня коктейль, оглядываюсь через плечо, ища глазами Хозяина. Не понимая, почему он ещё не устроил мне взбучку. Я видела, что ему до чёртиков хотелось поставить меня в угол на горох.

Меня словно обухом по голове ударяет, когда вместо ожидаемой картинки я вижу Шамиля, расслабленно беседующего с подкатившей к нему незнакомкой.

Если бы бешенство можно было измерять по десятибалльной шкале, то мой уровень потянул бы на сотку.

Он стоит весь из себя такой красивый. В своём ладно сидящем на нём пиджаке, который ещё должен хранить мой запах, засунув руки в карманы брюк. А прелестная девушка прямо на моих глазах разве что не вылезает из собственного платья, лишь символически прикрывающего стратегически важные части тела. И тычет ему в нос свои внушительных размеров сиськи.

Через проходящих мимо людей наши взгляды встречаются. Его – спокойный и холодный. И мой – пылающий и яростный.

Разговаривая с ней, он смотрит на меня. К горлу подкатывают слезы, потому что я не понимаю этой жестокой насмешки судьбы. Почему именно он?

Если бы Соломон с самого начала предупредил меня о том, что Шамиль виновен в смерти отца и брата, я бы не позволила ему так глубоко проникнуть в сердце.

Как жаль, что это не ночной клуб, здесь не затеряться в толпе. Но я всё же иду на танцпол, покачиваясь на высоких каблуках, надеясь не растянуться на полу.

Мимоходом замечаю ту заботливую девушку, что пыталась мне помочь. И её мужчину. Они оба наблюдали за моим поведением, что меня крайне удивляло.

Тоже мне реалити-шоу.

На её эльфийском личике улыбка. На его – ухмылка.

Из колонок заиграла мегапопулярная танцевальная новинка. И я не могла даже припомнить, когда в свои восемнадцать лет была на дискотеке. Между погонями за матерью и поиском убийцы отца.

Отпустила все мысли, все страхи. Позволяя музыке и телу увести меня за собой. Мечтая когда-нибудь расплатиться по счетам с тем, кто разрушил мою жизнь. Уничтожил мою семью. Чего бы мне это ни стоило.

Не знаю, как выглядели мои пьяные движения со стороны. Боль пронзала кости и мышцы, танцевала со мной, утоляла жажду ледяным мохито. И циркулировала по жилам вместе с кровью. Она буквально лучилась из моей кожи. Выжигала меня, преобразуясь в движения.

– Эй, красавица, потанцуй со мной, – выдыхает кто-то мне в лицо, обдавая зловонным ароматом застарелого пота, привлекая к себе, касаясь моей кожи влажными ладонями.

Почему-то такого поворота я не ожидала на светской вечеринке, хотя, должно быть, нарушила все правила и угробила репутацию своему кавалеру собственным поведением. Уверена, все предыдущие спутницы Шамиля в его присутствии не позволяли себе лишний раз повесить голос.

Уставилась в пьяные глаза парня. И в его крови явно не только алкоголь, но и ещё какое-то нелегальное синтетическое вещество.

– Шёл бы ты, пока не поздно, – отвечаю, озираясь по сторонам. Но на танцполе стало слишком тесно. Да и с чего я взяла, что Шамиль захочет помочь?

– А то что, что ты мне сделаешь? По тебе же видно, что ты шлюха, пришедшая найти себе папика. Хочешь, сегодня я буду твоим папиком?

Зря я воображала, что сейчас придёт Ямадаев и врежет ему. Шамиль даже не думал шевелиться. Я наконец отыскала его взглядом.

Он ждал. Ждал, когда я попрошу помощи.

Сглотнула слюну, ощущая отвращение от новой компании. И в то же время не желая в очередной раз быть спасённой Хозяином. Чтобы он поставил ещё одну зарубку в столбец моих долгов перед ним.

Преодолевая внутреннее сопротивление, я улыбнулась как можно слаще оскорблявшему меня хаму и положила ладони ему на плечи, заставляя нагнуться.

– Видишь ли, милый, у меня уже есть папик. И он сейчас наблюдает за нами. Только вот незадача, он обычно не оставляет в живых моих ухажёров, – воркующим голосом шептала.

– Что ты мелешь, сука? – почему-то оскорбляется, хватая меня за шею.

Но ненадолго. Не проходит и пары секунд, как к нам подлетают крепкие охранники и утаскивают мужчину. И я точно знаю, что это дело рук Ямадаева.

Хотя бы потому, что он, оставив грудастую девицу, направляется в мою сторону. Чёртов игрок в покер. По его лицу не разобрать ни одной эмоции.

Ощущение, будто меня сюда аниматором пригласили. Развеять беспросветную тоску богатых дядь. Скучали, пока я не появилась. А теперь наблюдают шоу.

Вот и ещё один богатый дядя рассекал зал, как ледокол, так что остальные гости отходили в сторону, чтобы случайно не оказаться задетыми.

Важный такой. Руки в карманах. Мускулы под одеждой перекачиваются, демонстрируя силу и власть. И каждый присутствующий в курсе, что этот человек способен свернуть шею одним движением.

Градус алкоголя спал. Тело от напряжения будто током пронзало, мышцы вибрировали под кожей. Я сцепила пальцы, не желая показывать дрожь, хотя по какой-то странной причине зуб на зуб не попадал.

Боюсь, что ли, его? Боюсь.

Глупая, решила, что под его красивой личиной скрывается человек. Повелась на обманку. А он ведь запросто может меня прихлопнуть. Надоем, и возьмёт в руку мухобойку. От моего жалкого существа только мокрое место останется.

Окатил холодным взглядом. Нагнулся чуть ниже, давая возможность расслышать его сквозь шум и музыку.

– Успокоилась? – спрашивает, нависая, по-прежнему оставляя руки в карманах.

Видимо, сдерживается, чтобы не наложить их на мою шею.

– Дядь Хозяин, отпусти меня, а? – склоняю голову, рассматривая его в свете прожекторов, пытаюсь отыскать хоть один изъян во внешности. И не нахожу. – Я буду хорошей девочкой и больше не приду в твой клуб.

Думала, удивится. Спросит, почему я так резко изменила поведение. Недавно льнула кошкой. А сейчас выпустила иглы, как дикобраз.

Только этого человека вряд ли интересует моё мнение.

– Не получится, котёнок, – тяжёлая ладонь ложится на моё плечо, хрупкое, кажущееся особенно тонким под мощью его силы. Ему стоит чуть сжать, и косточки рассыплются прямо на танцпол. Я вижу по глазам, что он способен причинить мне боль. В какой-то степени, возможно, даже хочет. Потому что в них горит недобрый огонёк. Из-за чего ласкающий тонкую кожу большой палец, которым он лениво водит, меня скорее пугает.

– Почему? – сипло интересуюсь.

– Я заплатил за твою жизнь высокую цену. И не отпущу тебя, пока ты мне не надоешь.

Наверное, услышь я эти слова чуть раньше, они ранили бы моё нежное девичье сердечко из-за того, что его хозяйка успела по уши втрескаться в Шамиля. Но благодаря Соломону, взгляд которого я сейчас ощущала на себе, мой мир разбился вдребезги. А вместе с ним и чувства рассыпались в хаотичном порядке.

И всё же мои глаза становятся круглыми, как блюдца. Удивлёнными. Почему-то от него подобного поворота я не ожидала. Пускай и понимала, что действительно задолжала ему за своё спасение.

Только зачем ему я? Щёлкнет пальцами, и стайка его поклонниц, расталкивая друг друга локтями, слетится к нам.

- А если я не хочу? - задаю крайне наивный вопрос.

Шамиль задумчиво изучает меня. Рассматривает с новым интересом. Будто так ему эта игра нравится даже больше. И в подтверждение этой догадки ладонь перемещается к шее. Всё ещё скорее лаская, нежели грозя асфиксией. Но от того, как при глотании я ощущала его руку, становилось не по себе.

- Захочешь, - просто отвечает он.

И мне бы следовало запротестовать. Сказать, что он не имеет на это права. Только такие, как он, законам не подчиняются. А кроют их под себя.

- Ты в любом случае уйдёшь отсюда со мной. По доброй воле или силой. Выбирай.

Оглядываюсь по сторонам. Снова встречаюсь глазами с Соломоном. Он тоже не один. С женой. Она меня не узнает. За минувшие годы я слишком изменилась. А вот Соломон был захвачен нашим представлением. Другим гостям мы уже безразличны.

Смысла устраивать балаган я не видела.

К тому же стоит ли отказываться от плана, когда мне удалось приблизиться к его реализации? Ведь теперь я как никогда близка к Хозяину. А значит, могу узнать куда больше, чем раньше.

Только не уверена, что после всего от меня хоть что-то останется. Живое и разумное.

– Хорошо, – тихо отвечаю.

Ямадаев, удовлетворённый ответом, кивает. Наконец опускает руку с шеи, скользя ею по моему телу вниз и останавливаясь на талии. Притягивает к себе под бок, так, что я ощущаю себя его аксессуаром. Красивым, дорогим приложением.

Он уводит меня из зала, и я ловлю на себе завистливые взгляды женщин. Наверняка они думают о том, как он скоро будет трахать меня. Жёстко и грубо, учитывая недавнее поведение. Его.

На мои плечи возвращается верхняя одежда. Я ожидала, что сейчас Шамиль сядет за руль. Но вместо автомобиля, на котором мы приехали, подъезжает другая машина. Тонированный чёрный джип с водителем за рулём.

Шамиль открывает передо мной дверь, помогая забраться на заднее сиденье, и сам садится рядом.

Я рассчитывала, что в пути меня ждёт передышка. Возможность придумать, как вести себя дальше. Как избежать близости с ним, которая казалась мне неминуемой.

Но он не дал мне такого шанса. Стоило джипу тронуться, как Шамиль потянул меня на свои колени. Свести ноги вместе он мне не позволил. Жёстким движением заставил оседлать себя, чтобы мы оказались лицом к лицу.

Короткое платье задралось до бёдер, обнажая чулки и трусы. Я невольно обернулась, чтобы взглянуть, не подглядывает ли водитель. Но он смотрел прямо перед собой. Наверное, даже в боковое зеркало боялся скосить глаза.

Пальцы Шамиля огладили мои ноги, полоску обнажённой кожи между кружевом чулок и трусиками. Прошлись по краю нижнего белья. Он прикасался ко мне так, будто старался запомнить. Изучить. Узнать реакцию моего тела.

А тело... тело совсем меня не слушалось.

По какой-то непонятной для меня причине я плавилась от этих ласк. Они туманили мой мозг. И я грешила на выпитый алкоголь.

– Лиса, запомни одно, – ровно и вкрадчиво произносит. Его голос не дрожит от возбуждения. Он спокоен и собран, несмотря на то, что промежностью я ощущаю его ставший твёрдым член. – Ты – моя. Посудомойка, официантка, собственность, вещь, женщина. Пока я этого хочу.

Глава 3

– Твоя? – переспрашиваю механическим голосом.

Взлёт по карьерной лестнице поистине феерический.

– Моя.

Его ладонь движется от моего зада вверх к пояснице, прижимая теснее. Позволяя ощутить жар его тела. Вдохнуть глубже мужской запах. И лишь прикладывая силу воли, я не утыкаюсь носом в изгиб его шеи, как наркоманка, которой требуется доза побольше. Но неумолимо скатываюсь с катушек от возжеления.

Движение сильных рук снова к ногам, узким стопам в паутинке чулок. Сжимает, поглаживает. Простые прикосновения, отправляющие миллиарды мурашек по всему телу. Зажигающие искры и пламя.

Дыхание сбивается, и уже не понимаю, что нужно делать, чтобы оно вновь вернулось в прежнее русло. Вдох-выдох. Потому что сейчас я способна лишь судорожно глотать воздух. И плескаться в густом и горячем омуте желания. Слишком насыщенном, слишком вкусном. Туманящем разум.

Голова отказала. Осталось только тело. Только чувства.

Я нырнула в тёмную бездну, зажмурился глаза.

Горячие пальцы проникли мне в трусики, электрическим током пронзили тело. Я вздрогнула, ощутив ласку. Движения, размазывающие влагу по губам. Он словно показывал, чего я могу лишиться, если вдруг откажу. Но таким, как он, не отказывают.

Прикоснулась щекой к его виску, млея, тая. Не зная, как собрать свои размякшие кости и мышцы. И мозги.

Из коматоза меня вывел заглохший двигатель. Водитель вышел из машины, и я вздрогнула от хлопка двери и холода, окатившего разгорячённую кожу.

Мы приехали. Вернулись в «Рай».

Сквозь тонированное стекло видела сверкающее здание, готовое в любое время впустить в свои чертоги гостей. И исполнить за их деньги любое, даже самое грязное желание.

Нет.

Хозяин «Рая» совсем не простой человек. Разбирается в грехах не хуже Люцифера. И меня искушает, подавляет волю. Если бы не разговор с Соломоном, я давно бы уже сдалась. Но, даже зная, насколько жуткое обвинение ему предъявлено Соломоном, веду себя непозволительно. Оправдывая своё поведение лишь смутной надеждой на то, что слова друга моего отца не имеют ничего общего с истиной.

Но я обязательно узнаю правду. И если Соломон не солгал, уничтожу Хозяина.

– И на что будут похожи наши отношения? – отстраняюсь, чтобы заглянуть в почерневшие глаза.

В них горит желание, такое мощное, что способно спалить всё дотла. Сглатываю слюну, опасаясь, что после него от меня останется только обуглившаяся плоть.

– Что скажут твои люди, когда узнают, что их сюзерен якшается с посудомойкой?

– Якшается? – переспрашивает, забавляясь выбранным мной определением.

Улыбается. Действительно улыбается. И я вижу прямой ряд белоснежных зубов. Не сидела бы на нём, мои колени превратились бы в вату от столь захватывающего зрелища. Мамочки. Нельзя быть до такой степени убийственно красивым. Вероятно, он скрывает свои улыбки, чтобы не стать жертвой поклонниц-сталкерш.

Встряхиваю головой, пробуя избавиться от наваждения и включить мозг. Отвожу от него глаза, хотя мне до ужаса нравится то, как он сейчас смотрит на меня. Будто лаская. И оттого внутри расплывается тепло. Как от горячего напитка в студёную погоду.

Я не сомневалась, что он вновь проведёт меня в свои апартаменты окольными путями. Да и не особо меня это заботило. Ведь наш разговор – простой трёп. Моя цель – узнать правду.

Хоть в голове сейчас мякиш, но я отдавала отчёт тому, что я для него временное, экзотическое развлечение. Забава, с которой весело возиться. Попользуется мной и забудет.

– Таскаешься, путаешься, шароёбишься? – подкидываю ему ещё парочку вариантов.

Шамиль вздыхает, закатывая глаза, и принимается приводить мою одежду в порядок. Натягивая платье на зад, оставляя мою плоть пульсировать от неудовлетворённого, напоминающего о себе при каждом движении желания.

Сукин сын, он сделал это намеренно. Специально заставил испытывать муки.

– Надо было бы дать тебе время подрасти для начала. Да не уверен, что ты способна выжить самостоятельно, – выдаёт странную, неясную для меня мысль.

– Ну раньше как-то удавалось, – почему-то севшим голосом произношу, сводя брови. К горлу подкатывает колючий ком.

– Не очень успешно, – замечает с явным скепсисом и покидает салон автомобиля, помогая мне выбраться.

– Пойдём проверим, что скажут твои бывшие коллеги, – притягивает к себе под бок, чтобы у всех, кто нас видел, не оставалось сомнения в том, кому я принадлежу.

Шамиль провёл меня в ресторан. Время позднее, но люди ещё веселились. Пили, ели, смеялись. Вели беззаботную сытую жизнь. Как моя семья когда-то.

За одним из столиков сидел Ян с девушкой, поглощённой его персоной. Но, когда он увидел нас, резко поднялся с места. Словно порываясь подойти. Но не стал. Осел, злясь. Причём злился он почему-то именно на меня. Будто я его предала. И я действительно испытала неловкость. Хотя ничего ему не обещала.

Шамиль поймал наше переглядывание, смерив меня похолодевшим взглядом. Предостерегающим. Но повторять уже ранее озвученную угрозу не стал.

Нелли нас заметила. Побледнела. Слухи о том, что я провожу время с Хозяином, наверняка до неё долетели. Но видеть всё своими глазами... совершенно иные ощущения.

Идея утереть ей нос оказалась не такой вкусной, как я ожидала. Точно десерт, о котором много мечтаешь, но на деле испытываешь разочарование.

Конечно, у Шамиля в собственном заведении имелся столик, который не отдают другим гостям. Официант принял заказ и удалился. Кроме алкоголя в моём желудке давно ничего не было. Но голода я не испытывала. Лишь опустошение из-за насыщенного событиями вечера. Информация еще не улеглась в голове. И я с трудом понимала, как жить дальше.

Но одно я помнила хорошо. Со слов Соломона, вскоре я узнаю мотив, которым руководствовался Шамиль. Заказывая моего отца.

А потому я сидела и не рыпалась. Ввинчивая в мозг Шамиля уверенность, что птичка в клетке.

– И на каких условиях я твоя? – интересуюсь, откидываясь на спинку стула.

Смотрит на меня, сузив на секунду глаза. Словно щёлкая на сетчатку фотоснимок. Чтобы потом засунуть его в альбом воспоминаний с надписью: «Сучка».

– Я тебя содержу, а ты меня слушаешься.

Короткий ответ. Понятно.

Внутри вскипает неконтролируемая злость.

– А после отдашь какому-нибудь своему другу или подаришь вольную, и я смогу сама найти нового Хозяина?

Шамиль весь из себя такой самоуверенный. Строгий. Суровый. Меняется в лице.

Я уже не единожды наблюдала, как мои слова или действия заставляют на долю секунды сползти с него маску спокойствия.

Сжимает челюсти так, что его идеальной формы губы белеют. Мышцы напрягаются.

Но вот проходит секунда, и словно ничего и не было. Снова расслабленный. Хозяин жизни. И его рабы, как мальки, рассекают воду рядом, заглядывая ему в рот. Всё ли ему нравится, чем ещё угодить. Если бы он щёлкнул пальцами, любая из местных официанток заползла бы под стол и отсосала ему.

– После меня тебе не понадобится думать о будущем, – сухо поясняет.

Приподнимаю брови вверх, вытягивая губы в форме буквы «о».

– Потому что его у меня не будет? – ухмыляюсь. – С такими, как ты, опасно связываться.

Смотрит на меня, точно ощущая, что я, словно вода, вытекаю сквозь его пальцы.

– Чего ты хочешь? – подаётся вперёд, складывая руки на столе как делец, обсуждающий важную сделку. Ткань пиджака натягивается под вздыбившимися мышцами.

Блин, такого вопроса я не ожидала.

Ему не терпится скрутить меня по рукам и ногам. Только какой ценой?

Чего я хочу? Чтобы ты признался, что не убивал моего отца. Что не имеешь никакого отношения к смерти брата. Что ты мимо моей семьи даже не проходил.

– Дай мне свободу, – прикусываю со всей силы нижнюю губу, делая как можно более невинный вид, насколько это возможно, когда из макушки выглядывают рожки, – и я сама приду к тебе.

Ему не нравится мой ответ. Ох как не нравится. Но что-то не позволяет ему взять меня силой. Приковать в подвале металлическими цепями, чтобы иногда спускаться и кормить меня своей спермой.

Впрочем, не удивлюсь, узнай я, что один из этажей оборудован для подобных целей. А Хозяин вполне способен вести очень грязные игры.

Но сейчас ему хочется большего.

Приручить меня.

Во всём виновата его дикая, безграничная самоуверенность. Он считает, что я сама к нему прибегу. И я опасаюсь, что он очень близок к истине. Что я брошу все мысли о возмездии, погружу, как страус, голову в песок, буду поливать цветочки и, подпоясав талию фартуком, жарить пирожки.

– И куда ты пойдёшь?

Шамиль наблюдает за мной, покручивая в руках бокал виски.

В горло кусок не лезет. Хотя я понимаю, что, если сейчас вернусь к бабке, до утра останусь голодной.

Но оставаться рядом с ним для меня разрушительно. От его близости мои мозги ржавеют. Колесики совсем не двигаются.

А мне необходимо подумать. Подготовить план действий. Узнать у Соломона подробности. И то, какой именно компромат нужен на Шамиля. Потому что он явно не из тех, кто оставляет улики на видном месте.

Перед ответом всё же разрезаю кусок говядины и буквально заталкиваю в рот. Медленно прожёвываю. И глотаю.

В памяти всплывает квартира, где сейчас мама. Засаленная, тёмная. Сто лет не видевшая ремонта. С местами отошедшими от стен обоями и порванным коричневым линолеумом.

А здесь как в сказке. Огромная хрустальная люстра отражает свет, переливаясь, бликуя на шёлковых стенах. Дорогом паркете, деревянных, обитых тканью мягких стульях, покрытых атласными скатертями столах.

И моя роль в этой сказке – Золушка. Только полночь близится.

– Мне нужно к маме, – отвечаю честно.

Я действительно соскучилась. А зная её, ещё и волнуюсь. Переживаю.

Ведь я даже не помню, где мой сотовый. И бабка уже, возможно, оставила сто сообщений с угрозами.

Шамиль на короткий миг прикрыл веки, тяжело вздыхая. Наверное, вновь сожалея о том, что я малолетка. Потому что от моих слов на его лице отражается му?ка.

Прости, дядь Хозяин. Я твоё наказание.

Он дождался, пока я затолкаю в себя еду, прежде чем озвучил решение.

– Хорошо. Но если ты завтра не явишься... Достану тебя из-под земли.

«И убью», – прочитала я в его взгляде.

Глава 4

Собственно, если он достанет меня из-под земли, чтобы вновь туда вернуть, то стоят ли мои поиски усилий? Озвучивать свой риторический вопрос я не рискнула.

– Что же, я себе враг? Меня тут сыто кормить обещают, чтобы сбегать, – поздно прикусываю острый кончик языка.

Шамиль молчал. Наверное, никак не мог взять в толк, почему терпит мои выходки. Если он ожидает обнаружить в моих трусах золотую вагину, боюсь, придётся его разочаровать.

Впрочем, и я сама не понимала, почему так себя веду. Но наблюдать огонь бешенства в его глазах порой так же сладко, как и звериную страсть. И от того, и от другого низ живота начинало тянуть. Он выработал во мне на себя рефлекс. Как у собаки Павлова.

– Вставай, – холодно произносит. И смотрит так, будто сейчас схватит за шкуру и вышвырнет в окно.

Обиделся, поди.

На моём месте Нелли, наверное, уже описалась бы от страха.

А я просто резко поднимаюсь из-за стола. Как вымуштрованный солдат. С той лишь разницей, что едва не падаю, путаясь в собственных ногах. Чёрт бы побрал эти высокие каблуки.

– Я отвезу тебя домой, – поднимается следом, наблюдая за моими трепыханиями, не отрывая от меня глаз. Двигаясь плавно и грациозно, как большой дикий кот.

С трудом поборола в себе желание подойти поближе и убедиться, что этот потрясающий мужик разговаривает со мной. Смотрит на меня. Хочет меня. А не плод моего больного воображения.

Опускаю взгляд, чтобы он не прочитал в нём грязные мыслишки. Хотя мне порой кажется, что он не напрягаясь читает каждую из них. Слишком безыскусно я прячу эмоции. В отличие от него.

Шамиль подхватывает меня под талию, пока я рассматриваю узор паркета под ногами. И выводит из зала. Накрывает мои плечи шубкой, окуная в её тепло. А я так привыкла мёрзнуть, что на секунду застываю на пороге, замешкавшись. Думая о том, как всё было бы иначе, имей я возможность остаться здесь. В его постели. И согреться в его объятиях.

Но я не заработала ещё права на нормальную жизнь. И на жизнь вообще. Пока не разберусь со всеми призраками.

Сказки для принцесс. А я...

Лишь сев в его машину, вспоминаю, что шею стягивает бриллиантовый чокер. Красивый ошейник, для той, которую хочет сковать цепями. Понятия не имею, настоящие ли в нём камни, но подозреваю, что именно это украшение стало знаком для Соломона. Что Ямадаев меня трахает.

Не знаю, почему Шамиль ещё не попросил вернуть ошейник. Но дожидаться этого момента не хочется. Расстёгиваю застёжку, стягивая чокер с шеи.

Хозяин не смотрит в мою сторону. Лишь на дорогу. Но я не сомневаюсь, что с боковым зрением у него всё в порядке.

Отвожу взгляд от сверкающих камешков, зажав их в ладонях, и, опасаясь заглянуть ему в лицо, останавливаюсь на руках, сжимающих руль. Венах, проступающих на широкой кисти. Металлических часах, обхватывающих массивное запястье. И забываю обо всём, поддавшись гипнозу его спокойных и уверенных движений. Даже не замечая, как дыхание становится глубже. Сглатываю, едва не давясь слюной.

Мне нравилось даже то, как на его груди чуть натягивалась рубашка. Напоминая мне, какие мышцы под ней прячутся.

Это вообще нормально – испытывать возбуждение, просто сидя рядом с ним?

Поёрзала задом, не зная, как принять удобное положение, потому что тонкое бельё прилипло к промежности, став влажным. В отличие от трусов, во рту неожиданно сухо.

– Куда это положить? – спрашиваю, едва справляясь со своим дрожащим голосом.

– Можешь оставить себе, – отвечает, по-прежнему не отрываясь от дороги.

А у меня отчего-то сердце заходится в груди.

Наверняка это безделушка. Ну правда. Не может же он подарить мне чокер с бриллиантами! С настоящими камнями такая вещица стоит дороже, чем вся моя жизнь.

Чувствую себя идиоткой. Размечталась! Конечно же, это бижутерия. Иначе быть не может. В подтверждение собственных мыслей я неловко засовываю чокер в карман шубы. Видимо, её мне тоже не придётся возвращать.

Ну всё, прилетят мне оскорбления от бабки. На этот раз почти близкие к истине.

Автомобиль припарковался у моего подъезда. Шамиль помог мне выбраться из машины. А я подтвердила свою шалавью репутацию у всех местных сплетниц, что сейчас прилипли к окну.

Мы остановились у моей квартиры, очевидно ожидая, когда я нажму на звонок. И кое-кто, кажется, планирует наведаться в гости. Чёрт.

– Ты хочешь зайти? – уточняю, потеряв всю свою дерзость.

Мне не нравится эта идея. Не потому, что испытываю смущение, стыдясь своей нищей жизни. Что есть – то есть. Строить мне из себя нечего. Да и он слишком

многое обо мне знает. И видел меня в самом неприглядном свете.

Но я не желаю, чтобы Шамиль встретился с моей матерью. Если он имеет какое-то отношение к гибели отца, то вполне может быть знаком и с его женой. Хотя, конечно, наркотики сильно отразились на маминой внешности. Да вот рисковать не хочется.

- Почему нет? - наблюдает за мной с интересом.

Я тяну к нему руки с намерением дотронуться. Первой. Раньше инициатива всегда исходила от него.

Касаюсь пальчиками белоснежной рубашки. Щупая стальной пресс под ней. Восхитительные ощущения. Поднимаюсь выше к груди, с наслаждением чувствуя биение его сильного сердца. Борюсь с желанием прикрыть веки от удовольствия. И наконец смыкаю пальцы у него за шеей. На высоких каблуках это не вызывает сложностей. И почти повисаю на нём.

Хозяин не облегчает мне задачу. Не касается меня, оставляя руки в карманах брюк.

Смотрит на меня потемневшим взглядом, не шевелясь. Лишь его тёплое дыхание греет мою щёку. Вижу в свете тусклого свечения лампы пробивающуюся под кожей щетину. Мне хочется трогать его. Исследовать. Но я так мало могу сейчас себе позволить.

Если слишком далеко зайти, обратный путь я уже не отыщу.

Привстаю на цыпочки, лёгким, как пёрышко, касанием целую уголок губ. И собственным телом ощущаю, как он напрягается. От этого почти невинного жеста.

- Пожалуйста, не сегодня, - шепчу, царапая губы о щетину на его подбородке. О щетину на его шее. Вдыхая по-наркомански пьянящий мужской запах.

Если бы я не прижималась к нему, не чувствовала бы бешеное биение сердца, то решила бы, что обнимаю каменное изваяние. С некоторыми столько же твёрдыми частями тела, что, похоже, через одежду стремились проникнуть в меня. Очевидно указывая на интерес хозяина.

Подтянулась чуть выше, почти карабкаясь по нему, не хватало только обхватить его торс ногами, как обезьянка. Намереваясь проверить, в какой момент его оставит выдержка.

Вроде пора это завершить. Прекратить его провоцировать. Но я отлично знаю, что стоит его отпустить и переступить порог квартиры, как я окажусь в хорроре под названием «Моя жизнь». По сюжету которого из всех передраг я должна выпутываться сама. А человек, запахом которого я дышу, возможно, злейший из моих врагов. Но не такой правды я желала.

И мне хотелось ещё чуть-чуть побарахтаться в омуте неведения. Полуправды. Полутонов.

Лизнула нижнюю губу Шамиля и тут же ощутила, как меня буквально сдуло с него. Жёсткие пальцы впились в плечи до боли, до синяков, вжимая меня в стену. Не ожидая ничего подобного в ответ на свои действия, я пялилась на него широко распахнутыми глазами.

Хотела что-то спросить, да забыла весь алфавит. Лишь глотала ошарашенно воздух, выбитый из лёгких.

– Скажи, что мне мешает трахнуть тебя прямо здесь? – Его лицо сейчас как у оскалившегося волка. Ни теплоты, ни желания. Только голод. Животный и дикий.

Моя напускная самоуверенность улетучивается, уступая место растерянности и страху. Я читаю по его глазам, что ещё чуть-чуть, и случится взрыв. Разнося на своём пути всё. Меня и мою жалкую лачугу вместе с панелькой.

В черепной коробке вакуум. Ни одной дельной мысли.

Но вижу нас со стороны. Он в дорогом костюме. Красивый. Высокий. С тёмными густыми волосами. И чёрными глазами. И девушка – с фотопленок начала девяностых, попавшая в лапы бандита. В шубе, на шпильках, в чёрном платье и дорогом колье. Жаль, причёска подкачала. Начёс не сделать.

Самое время сейчас разыграть карту девственности. Пролепетать, что я мечтала подарить ему свою невинность не так. Не в грязном подъезде, а на белых простынях. Сладкие слова, которые можно было бы скормить голодному хищнику. Но ничего подобного не приходит в мою глупую голову.

Вместо этого, вся дрожа от переполнявших меня чувств, я тянусь к нему. Не думая о том, что соседка из квартиры напротив сейчас пялится в глазок. Подглядывая за нами с жадным, со слюнями до пола, интересом.

Шамиль подхватывает меня под задницу, обхватывает широкими ладонями мои бёдра, продолжая вжимать в стену. Его пальцы оставляют следы на моей плоти, выжигая последние капли моей расчётливости. Следы всех моих планов.

И мне уже всё равно, что будет дальше. Я хочу его прямо сейчас.

Обвиваю его ногами, ощущая, как туфли со стуком падают на бетонный пол. Как мои тончайшие трусики соприкасаются с его телом. Как клитор трётся о грубую ткань его одежды, и это почти доводит меня до экстаза.

Шамиль накрывает мой рот своим, будто желая поглотить меня полностью. Сжать зубами моё тело, каждую косточку, облизать всю кожу целиком. И вместе с ним я никогда не чувствовала такого голода. Такой сильной, непреодолимой потребности в другом человеке.

И я тянулась к нему, прижималась, желая оказаться как можно теснее. Вдыхая запах его тела, прикусывая до боли кожу на шее и зализывая следы своего вандализма.

Шамиль дёрнул платье вниз, обнажая грудь. До меня донёсся звук разрывающейся ткани. Губы тут же обхватили болезненно возбуждённый сосок. Он вобрал его в рот, пропуская между зубов, прикусывая. Даря ни с чем не сравнимое удовольствие.

С губ сорвался стон. Просьба. Мольба.

Я готова была отдаться ему прямо сейчас. Молить его об этом. Уверять, что после этой ночи я сооружу ему алтарь с его изображением. И буду поклоняться. Только бы он заполнил эту пульсирующую, ноющую пустоту внутри меня.

Неосознанно трусь промежностью об него, бормоча нечленораздельные глупости, о которых потом могу очень пожалеть. Но совладать со своим желанием не в состоянии. Оно заполонило всё. Поглотило по самую макушку. И когда рука Шамиля, пробравшись между наших прижатых друг к другу тел, накрыла пульсирующую головку клитора, я замерла, едва не улетев. Закатывая в экстазе глаза. Только вот его пальцы не двигались. Я едва не плакала, хныча от острого разочарования.

А он острым взглядом взирал на меня. Холодно, сосредоточенно. Будто сам не сжигаемый огнём.

– Если завтра тебя не будет, Лиса, ты сильно об этом пожалеешь, – хрипит севшим от возбуждения голосом мне в лицо. Опускает меня на землю. Во всех смыслах.

Словно ребёнок, у которого из рук только что вырвали конфетку, я смотрю на то, как он поправляет свою одежду. Не понимая, как так.

Спустя минуту слышу, как он спускается по лестнице. Хлопок двери подъезда. Он уехал. Уехал, давая понять, чего я могу лишиться, если не вернусь.

Глава 5

Сползла на пол по стеночке. Подобрала к себе ноги, обнимая. Продолжая ощущать ток тепла по телу. Шубка грела. Но причиной жара были губы Шамиля. Сводящие с ума. Кружащие голову. Сбивающие с прицела.

Со всей силы зажмурилась, но это не помогло стереть с сетчатки минувшую сцену.

День был тяжёлый. Устала дико. И долго так сидеть не выйдет. Как бы мне ни хотелось обратного, но нужно стучаться в дверь. И встретить неприятности лицом к лицу.

Подняла валявшуюся рядом туфлю и ударила шпилькой пару раз по двери. Получилось не слишком громко. Но спустя несколько мгновений раздались шаги. Бабка.

Сжала в кулак всю свою волю и встала, морозя стопы.

– Явилась, не запылилась, проשמандовка, – родственница недовольным голосом выплёскивает яд прямо с порога.

Окидывает меня пренебрежительным взглядом, задрав высоко нос. Будто передо мной королева Великобритании. Не меньше.

Я слишком устала, чтобы препираться. Протискиваюсь в квартиру, не желая вести диалог. Но мои планы не волнуют бабку.

– Где ты шлялась все эти дни? Почему я должна следить за твоей мамашей? – ступает за мной по пятам, пока я снимаю верхнюю одежду.

Она словно только сейчас заметила, в чём я пришла. Поняла, что на мне вовсе не одежда из секонд-хенда. Сканирует меня, хищно сузив до щелочек глаза. Становясь похожей на ворону, которая хочет заклевать меня.

– Всё-таки пошла по стопам своей мамы, шлюха. Живёшь тут и ни копейки не приносишь, хотя сама в мехах расхаживаешь. Потаскушка малолетняя. В холодильнике шаром покати, а ты мне даже денег не даёшь.

Каждое её слово отдавалось внутри меня острой болью. Хотелось развернуться. Накричать на неё. Высказать всё, что думаю.

Будь у моей мамы другая родня, может, ей и не пришлось бы топить горе в алкоголе и наркотиках. Не пришлось бы рано сбегать из дома и связываться с бандитом. Мама даже не упоминала о бабке, пока отец был жив. Стараясь вытравить из памяти этот период жизни. Только вот судьба имеет скверное

чувство юмора. И очень жестокое.

Но я молчу. Знаю, что хуже будет.

Заглядываю в нашу с мамой комнату. Но она пустая. По коже проходит холодок, стирающий тлеющее тепло. Мою шею словно кто-то сжал жёстким захватом в попытке вытащить хребет. Стало не по себе.

– Как давно мамы нет? – поворачиваюсь к бабке, которая стояла за спиной, продолжая сыпать оскорблениями.

– Да вы с ней по сменам, наверное, стоите на Ленинградке. Вот только что ушла.

Расслабляюсь немного, ощущая, как мышцы тут же обмякают.

Значит, скорее всего, с ней ничего не успело произойти.

Как зомби умываюсь, переодеваясь в застиранную пижаму, и забираюсь под одеяло. Тоскливо обнимаю подушку, чувствуя одиночество. Оно, как чёрная дыра, расширилось внутри до бесконечных размеров. И увеличивалось с каждой минутой с момента ухода Шамиля.

Отчаянно хотелось обратно к нему. Рядом с Шамилем я не испытывала страха. Чувствовала себя защищённой.

Я уже позабыла, что это за чувство. Невероятно приятное. Когда дышишь полной грудью. Не ощущая стальных тисков, сжимающих рёбра. И знаешь, что тебе протянут руку, даже если ты окажешься на дне сточной ямы.

Но дело было не только в этом. Как бы я ни гнала эти чувства от себя, но игнорировать собственную влюблённость так же бесполезно, как слона в комнате.

Что же будет со мной, если Соломон не соврал?

С этими мыслями я отключилась.

Проснулась с утра от барабанной дроби. Звук, от которого кровь стынет в жилах. Выбивающий остатки сна за секунду.

По ту сторону глазка стоял Соломон. Мгновение смотрела на него, не испытывая желаний впускать. Но всё же отворила дверь.

На мне старая пижама, закрывающая тело от горла до пят. Тёплая. Но даже в ней мне казалось, что я голая. Хотелось укрыться от его глаз. Спрятаться. Потому что, глядя на него, я не понимала, как могла испытывать к этому человеку детскую влюблённость. Плескавшаяся в его светлой радужке похоть пачкала меня.

– Доброе утро, Лисичка, – произносит, вызывая в ответ рвотный позыв.

Сцепляю челюсти.

– Утро, дядя Соломон, – здороваюсь куда сдержаннее, стараясь спрятать отвращение.

Но не уверена, что у меня выходит. Впрочем, Соломон и близко не столь пронизателен, как Шамиль. Он ничего не замечает, уверенный в своём превосходстве перед маленькой глупой девчонкой. Что я могу понимать? Такие, как он, с женщинами не считаются. А используют их в разных целях.

Пропускаю его в квартиру. Бандит проходит внутрь, озирается с явным отвращением. Но продолжает улыбаться. Отчего я чувствую тошноту. Не из-за него. А из-за своей наивности. Глупой давней влюблённости.

Почему пелена спала лишь сейчас, когда мне удалось сравнить его с другим? С Ямадаевым. И разница настолько ощутима, что я просто поражаюсь ей.

А ведь все эти годы я вспоминала его совсем в ином ореоле. Даже несмотря на то, что он кинул нас с мамой.

– Рад, что ты смогла подобраться к нему близко, – вещает важно, – даже не предполагал, что он это допустит. Шамиль ведь почти не общается ни с кем, кроме узкого круга лиц.

Соломон изучает вид из окна моей комнаты. Убогий и печальный. Серый, пасмурный.

А я ощущаю странный отклик в сердце. Будто внутри меня сквозь толщу асфальта пробивается зелёный росток. Желаящий жить. Увидевший свет.

И на секунду мне вдруг становится очень хорошо. Благодаря мыслям о Хозяине. Моём хозяине...

– Почему я должна верить тебе? – выдаю резче, чем хотелось бы, обнажая свои эмоции. – Я требую доказательств, прежде чем что-то сделаю ради тебя.

Соломон медленно отрывается от созерцания окружающей меня нищеты и смотрит делано удивлённо.

– Ради меня? – усмехается. – Ради себя, Лисичка. Ведь это твоя семья пострадала от его рук. А я просто помогаю восстановить справедливость. Ради тебя.

Меня выворачивает наизнанку от этих слов. Хочется подойти и расцарапать его глумливую рожу. И в то же время то, как он это говорит. Его уверенность задевает и злит. А ещё очень пугает.

– Доказательства, дядя Соломон, – упрямо повторяю, смотря на него взглядом лисы, пойманной в капкан.

– Мне на слово ты ведь не поверишь, – печаль в его голосе звучит почти правдоподобно, – но, если окажешься в его загородном особняке, уверен, найдёшь подтверждение моим словам.

– Почему не скажешь сейчас? К чему мне рыскать по его дому?

– Лучше один раз увидеть, Лисичка. И я надеюсь, увиденное не собьёт тебя с цели. Потому что ты должна добыть для меня кое-какие документы.

Меня устраивало, когда Соломон стоял у окна. Только вот его – нет. Он подошёл ко мне вплотную. За спиной сервант, и я уже планировала совершить манёвр в сторону, как друг отца сжал мои плечи, вжимаясь в меня всем телом. В нос

ударил парфюм с цитрусовыми нотками. И меня затошнило от его запаха. Сглотнула слюну, стараясь сдержать подступающую тошноту.

Запрокинув голову, смотрела на него. На его тонкие губы, светлую щетину, которая ему не шла. Убранные назад тонкие русые волосы. Он напоминал мечту Гитлера в её арийском воплощении.

– Запомни, Василиса, – наклоняется ко мне ниже, почти касаясь носом моего носа, и я задерживаю дыхание, сцепляя челюсти, готовая оскалиться, как злая собака, – Ямадаев – убийца. Опасный, расчётливый ублюдок, просчитывающий всё на десять шагов вперёд. Я вижу, что ты попала под его влияние. Уверена, что он не знает, кто ты? Уверена, что не играет с тобой?

Мне даже в голову не приходило, что Шамиль может быть в курсе, что я никакая не Алиса Спиридонова. Посудомойка с дурным характером. А отпрыск почившего криминального авторитета, Василиса Вишневская. И судя по намёкам Соломона, дочь его лютого врага.

Замерла, прокручивая в голове поведение Шамиля со мной.

От натуги пришлось до боли прикусить губу.

Да, давно очевидно, что порой Ямадаев не выносит меня. Не может находиться со мной в одном пространстве. Ему то ли убить меня хочется, то ли... что-то совсем иное. И в то же время бесится до дрожи оттого, что у него не получается меня контролировать. А я упрямо просачиваюсь через все его замки и клетки, продолжая влипать в неприятности.

Но ненависть? Её от него я не ощущала. Или не замечала.

Если Соломон прав, разве Ямадаев пошёл бы против своего делового партнёра, господина Вуйчика? Впрочем, о том, что за мысли рождаются в голове Хозяина, можно лишь догадываться. Я понятия не имела, что им руководит. Какая сила им движет.

Но нельзя исключать, что он ведёт свою игру, при этом зная, какие карты у меня в руках.

– Уверена, – твёрдо отвечаю, отрывая взгляд от созерцания пылинок на свету и встречаясь с голодным интересом друга моего отца.

Он так плотоядно пялился на мои губы, что находиться с ним в тесной комнатёнке вдруг стало страшно. И тот факт, что в детстве я сидела у него на коленях, вряд ли остановит мужчину.

– Только вот не могу сообразить, дядя Соломон, – остро вонзаюсь в него холодным взглядом дочери криминального авторитета, – раз вы считаете, что Ямадаев раскрыл меня, специально заявили в эту квартиру, чтобы он убедился в верности своих подозрений?

Во взгляде Соломона читается столь явное превосходство, что руки чешутся ему врезать.

– Я всё проверил, его людей тут нет. Пока.

– Если вы сообщили всё, что хотели, то вам пора, – резко заявляю.

Мой папа слишком рано умер, чтобы успеть привить мне хорошие манеры.

– Лисёнок, не будь такой колючей, – назидательно произносит, не выказывая желания убраться отсюда.

Его ладонь ложится на моё плечо, сжимая, словно проверяя прочность моих костей. И в то же время он наверняка считает этот жест лаской. Только для меня она грубая и неприятная.

Когда меня касается Шамиль, столп мурашек пробегает по коже, вызывая желание. А сейчас мне хочется сбросить руку Соломона, как оковы.

– Я развожусь, – на этом слове незваный гость напряжённно следит за моей реакцией, будто для меня его личная жизнь что-то значит, а я не могу взять в толк, к чему он мне это сообщает, – и способен подарить тебе совсем другую

жизнь, нежели существование в этой камерке. Для Ямадаева ты лишь одна из многих. Он забудет тебя сразу, как воспользуется.

От его слов в моей голове случается ядерный взрыв. Намешанный на злости, детской обиде и дичайшем недоумении. Как он может мне говорить подобное?!

Он – человек, который рассказывал мне сказки в детстве, дарил подарки, пусть и неподходящие для девочки. Был другом не только отцу, но и мне. Как?!

Бурлившие эмоции слишком ярко отразились на моём лице.

– Вы мне в отцы годитесь, – напоминаю ему очевидное, задыхаясь от острого непонимания.

Вновь этот покровительственный взгляд, от которого меня воротит.

– Все мои любовницы твоего возраста, и поверь, я знаю, как удовлетворить женщину.

С трудом преодолеваю отчаянное желание подойти к стене и начать биться о неё лбом. Пока не вытряхну из неё весь этот диалог.

– Уходите. Сейчас.

Не мои слова заставили его отступить, отлепить от меня свою клешню. А пролетевшая по комнате вибрация его сотового. Он посмотрел на экран мобильного, отключил входящий. И засунул аппарат обратно в карман.

– Обращайся ко мне по любому вопросу, Василиса. Для тебя я всегда на связи, – игнорируя мои слова, предлагает помощь, о которой я никогда не попрошу. Потому что вижу, какую плату он потребует взамен. А я никогда не смогу с ним расплатиться. Лучше перегрызу себе вену на руке и истеку кровью.

Когда папа умер, он не заводил подобных разговоров. Но тогда я его и не волновала как сексуальный объект.

Смотрю на него недобро, пока он выметается из квартиры, ощущая невероятных размеров омерзение.

Не успевает за гостем захлопнуться дверь, как трелью звенит домашний телефон. Рудиментарный аппарат, который ещё десяток лет назад должен был отвалиться. Но по какой-то причине бабка решила его оставить.

Я подняла трубку, чтобы оборвать противную музыку. Не ожидая, что звонок адресован именно мне.

– Алло, – уныло отвечаю, планируя услышать механический голос робота, вещающего о наличии долга за коммуналку.

– Цветочек, какая удача, наконец-то я тебя нашёл, – раздаётся на том конце знакомый голос Ветрянского, – ты же помнишь, что за тобой должок? Пришло время его возвращать.

Глава 6

На ватных ногах я опускаюсь по стене на пол. Сердце так сильно и быстро бьётся, что из-за тока крови рука, сжимавшая телефонную трубку, дрожит.

Взгляд падает на роскошную шубку, что грела мои плечи минувшей ночью. Возможно, она одна способна покрыть долг мамы. А что уж говорить о колье, оставленном в её кармане. Сколько оно может стоить, если бриллианты в нём настоящие?

За долю секунды перед моим ответом я даже прикинула, где находится ближайший ломбард.

– Я расплачусь, – уверенно сообщаю осипшим от напряжения голосом, – сегодня.

На том конце раздаётся скрипящий, как старая дверь, смех. Будто кто-то давно не смазывал петельки. И от этого смеха становится ещё больше не по себе. Ибо мне отлично известно, что долг у меня перед Ветрянским не только денежный. А куда более крупный. Ведь наркоман по моей слёзной просьбе не сообщил Шамилю, кто я такая на самом деле.

– Конечно, Цветочек. Гони сюда свою милую попку. – Неожиданно смех прервался, а вся весёлость из голоса дилера пропала, начав отливать стальными нотками. – Будь у меня через час. И не задерживайся. Твоя мамаша тебя очень ждёт.

Я второпях умываюсь, надеваю первые попавшиеся тряпки и ныряю рукой в карман шубы. Но там пусто. Голову за секунду охватывает пожар. Щеки горят, шея горит.

Колье нет. Бабки тоже нет. Обычно в это время она спала. Да и, когда Соломон ломился в дверь, не вышла криками его встречать. Если сложить дважды два. Получится не четыре. Получится, что бабка украла колье.

Раньше ничего подобного не случилось. Но до сегодняшнего утра у меня и конфисковать было нечего. Я же беднее церковной мыши.

Всё моё нутро поглощает необъятных размеров злоба. Чёрная. Лютая. От которой с губ срывается мат и крики. Только их никто не услышит. Дома-то кроме меня никого.

По мышцам проходит судорога. Мне необходимо куда-то деть эту энергию, принесённую на полных парах ненависти. Не подумав, что кости встретятся с бетоном, я несколько раз ударяю кулаком в стену. И скулю, как побитая собачонка, ощущая острую боль.

Грёбаная сука!

Набирала её номер, но в ответ получила лишь сигнал отбоя. Снова и снова. Обзвонила всех её подружек. Но ни черта.

А на смену злости пришли два брата: отчаяние и страх. Колье оставалось моим последним шансом расплатиться с Ветрянским с минимальными потерями. А что меня ждёт теперь?

И ведь мама у него... Она снова, по доброй воле заявила в его логово.

Мне хотелось вырвать из головы волосы, да схватиться пока особо не за что. Из зеркала на меня пялилась девица с бешеными глазами и почти дыбом стоящими чёрными короткими кудряшками. Чёрный упрямый барашек.

Можно попросить о помощи Соломона. Но одна эта мысль вызвала отвращение. Потому что я не сумею потом расплатиться с ним. А какую плату он потребует, я знаю наверняка. Он дал понять этим утром, чего хочет.

Шамиль... Тут я на сто процентов была уверена, что он выручит. Но... я не могу к нему обратиться. Тогда Ветрянский сразу выложит ему мою подноготную. А что сделает Шамиль, когда узнает, что я всё это время лгала ему, чтобы подобраться ближе? Способен ли он убить меня, как считает Соломон?

Мазохистская часть моей сущности желала знать ответ на этот вопрос. Ведь тогда я бы поняла, что я на самом деле для него значу.

Затолкала поглубже все свои романтические мечты. Фантазии о Шамиле, стирая картинку рыцаря на белом коне, напоминая себе, что он, возможно, убийца моего отца. Вытерев слёзы и сопли с лица, вышла из дома.

Искать, куда можно сплавить шубу, времени не было. Мало ли какой винтик закатится за ролик в гнилом мозге наркомана, если я задержусь. Попробую выцыганить отсрочку.

Вылетела из квартиры, села на автобус. И пыталась думать. Вот только в голове вакуум.

На автопилоте и из последних крупиц собственных ресурсов добралась до заведения наркомана. Пустующего в ранний час.

После ночной смены уборщицы не успели навести порядок. Под ногами валялись бутылки, осколки разбитой посуды, остатки разбросанной еды. И запах стоял соответствующий. Кисло-сладкий. Тошнотворный.

Желудок напомнил о себе позывом рвоты. Но тут же заглох. Я сегодня ещё не ела.

Меня никто не встретил. Будто и не ждут.

В какой-то момент я даже поставила под сомнение собственный разум. Может, мне всё показалось. Может, не было этого звонка?

Среди звенящей тишины бара моя интуиция буквально вопила – уноси отсюда ноги. Но как я могу? Ведь тут мама.

Превозмогая себя, я поднялась на этаж выше. В кабинет Ветрянского. И чем ближе подходила, тем лучше до меня доносились голоса людей.

Пьяные, весёлые, злые.

Распахнула дверь и тут же едва не задохнулась от дыма, обжёгшего пазухи носа. Здесь ужасно накурено. И стоял весьма специфический запах.

Сам Ветрянский восседал в своём директорском кресле, закинув одну ногу на подлокотник. Пьяный вусмерть. Но я помнила, что этот человек умеет моментально трезветь, когда вопрос касается его бизнеса. И сейчас, стоило ему перевести мутные глаза в мою сторону, как взгляд тут же сфокусировался. Вцепившись в меня.

– Проходи, Цветочек, – крутятся на стуле, делает жест, будто предлагая располагаться в его апартаментах, – что ты как неродная? Здесь все свои. Смотри, даже мамочка твоя тут. И возможно, новый папочка.

Я резко обращаю внимание на пару, что расположилась на диване. Не сразу заметила их, когда вошла.

Женщина лежала во фривольной позе. А мужчина прижимал её к себе. И каждая деталь говорила об их недавней близости.

Ощувив отвращение, смешанное с неловкостью и стыдом, я отвела глаза. Сцепила зубы, заставляя себя оставаться здесь.

– Владимир, – обращаюсь я к Ветрянскому, – я погашу долг. Но не сегодня. Соберу деньги, клянусь. Только дай мне сутки.

Наркоман крутится в кресле, задумчиво изучая меня и жуя зубочистку.

- Сегодня, Цветочек. Долг вернёшь сегодня.

- Но... - начинаю.

- Заткнись и слушай, - перебивает, наклоняясь вперёд и складывая руки на столе, как серьёзный бизнесмен, - тебе нужно доставить вот эту сумку по одному адресу. Работа непыльная. А все долги будут тут же забыты.

Он улыбается по-акульи, кивает в сторону реплики известного бренда. А я смотрю на этот логотип и думаю. Сколько мне дадут лет за то, что находится внутри неё, если меня поймают.

- Что там? - спрашиваю, не отрывая глаз от сумки.

Будучи дочерью преступника, я всегда видела грань между грехами. Теми, которые я готова заработать в свою копилку, чтобы потом вариться за них в котле на нижних этажах Ада. И теми, которые считала недопустимыми.

Может быть, если бы не зависимость мамы, я относилась бы к наркоте проще. Но, видя, как она день за днём забирает близкого мне человека, теряющего свою личность, стирающего её собственными руками, словно ластиком, - не могла.

Не желала в этом участвовать.

- Меньше знаешь - лучше спишь, Цветочек. Ты же умная девочка. Не задавай лишних вопросов.

Да, я всегда была смышлёной. И представляла, что меня ждёт, если решу отказаться. Но...

- А если я не хочу? - К чему догадки. Желая точно знать.

Владимир с ехидной улыбкой перекатывает по рту зубочистку. Наслаждаясь ситуацией. Своей властью надо мной. Моим страхом, сочащимся из каждой поры.

Взгляд скользит по мне снизу вверх и обратно. Но в нём нет мужского интереса. Он лишь изучает, взвешивает меня, чтобы вынести вердикт.

– Он тебя убьёт, – заявляет вместо ожидаемого ответа, – и даже не поморщится. Если рассчитываешь, что Ямадаев спокойно примет тот факт, что дочка Ветрянского жила у него под боком, то зря. Не рискуй своей красивой задницей. Выполни поручение, и твоя тайна останется со мной. А если сделаешь всё гладко, я и о долгах Вики забуду.

Цепляюсь за его слова, ощущая, что он знает куда больше, чем кажется. Больше, чем мне соизволил поведать Соломон.

– Что ты хочешь сказать? – делаю нерешительные шаги к его столу, пока не касаюсь его ногами, и вглядываюсь в выцветшие светлые глаза на усохшем лице. – Что произошло между отцом и Ямадаевым?

Наркоман вольготно откидывается на спинку кресла, щурится, словно ему не хватает диоптрий, чтобы заглянуть в меня поглубже. До самой печёнки.

– Я всего лишь скромный бизнесмен, почём мне знать, что могли не поделить сильные мира сего, – Владимир пожимает плечами, однако ехидство скользит в каждом жесте. Он играет со мной, приоткрывая завесу тайны и тут же захлопывая её перед моим носом.

Опускаю взгляд, изучая грязный пол под ботинками. Времени нет. Необходимо делать выбор, иначе его сделают за меня.

Наверное, именно сейчас я осознала, насколько ничтожна моя жизнь. Насколько я в ней пешка. Разменная монета. И не имею ни возможности противостоять обстоятельствам, ни права голоса.

От этой жгучей чёрной обиды по щеке заскользила солёная, разъедающая кожу слеза. Я порывистым движением стёрла это доказательство собственной слабости и никчёмности. Остро и ясно понимая, что, возможно, жить мне

осталось считанные часы.

Ведь неспроста Ветрянский вызвал именно меня на это грязное дело. Меня не жалко.

- Куда нужно доставить сумку? - спрашиваю сухим, скрипящим от напряжённых связок голосом, поднимая на него взгляд, преисполненный решимости, осознавая всю безвыходность ситуации.

Удовлетворённый моим вопросом, как знаком капитуляции, Ветрянский расслабляется в кресле. Стекает в него, словно тело, лишённое костей. Бесформенная масса, накачанная запрещёнными веществами.

- Тебе нужно добраться до города в четырёхстах километрах от столицы, - произносит и следит за реакцией, будто такое расстояние может меня спугнуть, но абсолютно всё равно, куда он меня направляет, - любым путём: поездом, на такси, на автобусе. Главное, чтобы тебя не досматривали.

Он кидает на стол листок с координатами для меня.

- Хорошо, - киваю, соглашаясь, - только я заберу маму.

- Не-е-ет, - растягивает он со смешком слова, - сначала - деньги, потом - стулья.

- Я без мамы никуда не поеду. И делай что хочешь, - смотрю устало и безразлично.

Мне ведь нечего терять. По моим глазам всё видно.

- Ну хорошо. Забирай её и сумку не забудь. Она должна быть доставлена не позднее завтрашнего вечера. Груз в ней стоит дороже, чем вся твоя жизнь. Не будет вечером сумки - не будет тебя живой. Поняла?

Я киваю, высоко задирая подбородок. Ощущая омерзение. Подхожу, забирая сумку, удивляясь её тяжести. Сколько же там наркоты? Много килограммов. Мамочки... Если меня с ней где-нибудь поймают, мне никогда не видеть белого света.

Пытаюсь собраться, взять себя в руки. С ужасом думая о том, как вытащить отсюда мать в почти бессознательном состоянии.

Закидываю на плечо свою поклажу, придавливающую меня к земле. И ударяю мать со всей силы по щекам. Она со стоном, недовольно открывает свои красивые глаза.

Смотрю на неё, не понимая, почему она выбрала не меня. Почему, когда умер брат, она отвернулась от меня. Погрязла в своей боли, забыв о том, что у неё есть ещё один ребёнок, который в ней тоже нуждается.

Наверное, я выжила тогда лишь из-за какой-то огромной, необъяснимой тяги к жизни. Вопреки всему, хотя разваливалась на части после убийства самых близких людей. Блуждая по Ледовитому океану, как отколотый от острова кусочек айсберга. Ощущая безграничную, чёрную тоску.

За годы одиночества моё сердечко успело очерстветь. А нервные окончания в нём отвалились за ненадобностью. Просто потому, что я их не использовала. Привыкнув всегда находиться на стрёме. Напряжённой. Обороняющейся. Готовой в любой момент выпустить иголки и защищаться. И боящейся впустить в него того, кто заберёт с собой последнюю его часть и навсегда исчезнет.

Вероятно, именно поэтому моё сердце открылось Шамилю, ощутив его странную заботу. А ещё безопасность рядом с самым хищным зверем в лесу. И тогда сухарик, который у обычных людей качает кровь по организму, вдруг наполнился теплом и светом. И я уже не имела возможности обратить этот процесс влюблённости. Потому что мне стали слишком сладки чувства, которыми я питалась, находясь в обществе Хозяина.

Закинув сумку и кое-как усадив мать на заднее сиденье такси, я оглянулась. Никто и не смотрел в мою сторону. Не следил. Ветрянский понимал, что я в безвыходной ситуации. Погибну, если не исполню его просьбу, в любом случае. Либо от его рук. Либо от рук Ямадаева.

Но он ошибался, если считал, что я кого-то из них по-настоящему боюсь. Я просто желаю знать правду о смерти отца и брата. А потому изменила пункт назначения, назвав таксисту новый адрес. И одолжив у него телефон, набрала

знакомый номер.

Глава 7

– Да, – вместо приветствия ответили на том конце провода таким тоном, что я едва не сдала все анализы разом прямо на пассажирском сиденье такси.

– Здравствуйте, – скромно чирикаю, пытаюсь состроить невинную мордашку, хотя мой собеседник не видит моей пантомимы. Но мне кажется, это придаёт особо жалостливые интонации голосу.

– Вишневская, – подполковник узнает меня с лёту, – что стряслось? Я просил не звонить мне по пустякам.

– Дядь Сём, можно я приеду? – спрашиваю совсем поникшим голосом.

Возникает молчание. Не каждый день в отделение полиции самовольно приезжают сдаваться такие плохие девочки, как я.

– Жду, Вишневская, – устало даёт добро, должно быть чуя неладное.

Идея позвонить подполковнику прилетела в голову резко. Неожиданно. Хотя я и понимала, что иду на верную смерть.

Но я знаю несколько истин.

После того как я сдам наркоторговцев, они сами меня убьют. Или, возможно, это сделает Шамиль, когда узнает от Ветрянского, кто я? Но чую, что он просто не успеет.

В то, что полиция меня защитит, при всём уважении к Короткову, я не верила.

Я хочу жить. Горячо и страстно. И порой мне кажется, я могла бы зубами выгрызть себе путь и через бетонную стену.

Но сейчас я не вижу места, в которое можно вцепиться, чтобы выбраться.

А страх... Странно, но я его уже не ощущаю. Полагаю, он притупился. Или его чаша переполнилась и начала переливаться вовне. Когда слишком долго чего-то боишься, привыкаешь к этому ощущению. Сращиваешься с ним в единое целое. И оно постоянно фонит рядом, а ты живёшь с уровнем адреналина на самых высоких оборотах.

Но при всём моём фатализме в верности своего решения я не сомневалась.

Коротков курил на улице, когда я приехала. Наблюдал какое-то время за тем, как я вылезая из автомобиля. А затем вытаскиваю мать с заднего сиденья. Она успела задремать, и мне пришлось приводить её в чувство оплеухами.

На нас смотрели прохожие и парни в полицейской форме. Наверное, мне следовало испытывать стыд. Ведь это логично. Девочка из маргинальной семьи. Что с меня взять? Только пожалеть. А жалость последняя из всех эмоций, что мне хотелось бы вызывать в людях.

Но сейчас вдруг поняла, что и стыда не ощущаю. Да, я вот такая. Это моя семья. Когда-то моя мама была безумно красивой. Носила дорогие шмотки и блистала рядом с отцом, которого боялись и уважали. А теперь я на социальном дне. Падать уже некуда. Так чего переживать из-за мнения окружающих? Они всё равно плюнут в меня при первой возможности.

Коротков затушил сигарету и помог маме дойти до отделения.

Я буквально ощущала волны неодобрения, исходившие от него. Но на этот раз не в мою сторону. В мамину.

Его отношение считывалось по недовольно поджатым губам, сведённым бровям и напряжённому телу.

Казалось, больше всего ему хочется свернуть моей матери шею. Но он слишком правильный для подобного. Брезгливый.

Таща на плече сумку, о содержимом которой никто не подозревал, зашла следом за подполковником в его кабинет. Он опустил мою мать в потёртое кресло. Она стекла с него на пол. Но никто из нас не дёрнулся, чтобы вернуть её в прежнее

положение. Лишь молча проводили взглядом этот процесс.

– Что тебя привело сюда, Вишневская? – подполковник взирал на меня с высоты своего исполинского роста.

Большой, цельный, как пласт бетонной стены, мужик. Несмотря на почтенный возраст и седину в волосах, сохранил армейскую выправку. На мгновение позавидовала его дочерям. Вот уж кому в этой жизни можно спать спокойно.

Стоя рядом с ним, я ощущала себя букашкой. И в то же время, мне казалось, именно он, как никто другой, способен разругить ситуацию.

Я положила на письменный стол, который кроме пыли и бумаг не знал, похоже, ничего, свою поклажу. Потянула за собачку молнии, явив взгляду подполковника плотно упакованные брикеты с белым веществом.

По помещению тут же пронеслось непередаваемое сочетание матерных слов. Часть из которых мне хотелось записать на листочек, чтобы не забыть. Уж больно виртуозно Коротков владел великим могучим.

Последовавший в дальнейшем допрос длился несколько часов.

Откуда у меня сумка. Как и почему она попала в мои руки. Какая конечная точка сбыта.

Я рассказала всё как есть. Не упустив ни одной детали.

Я хотела, чтобы курьера с той стороны взяли. Я хотела, чтобы хотя бы кто-то понёс наказание в этом грязном бизнесе. И готова была даже в этом поучаствовать, но полицейский сказал, что меня не будут привлекать. На это есть оперативные сотрудницы.

– А мать твоя, матрёшка эта, она что-то знает? – напоследок устало интересуется подполковник, смотря на меня напряжёнными глазами.

– Она, наверное, не знает даже, какой сегодня день, – перевожу взгляд в её сторону. – Не могли бы вы поддержать её тут пару дней?

Не отвечая мне прямо, Коротков поднял трубку стационарного телефона, вызывая кого-то из своих. Вошёл молодой паренёк и по приказу подполковника утащил мать в обезьянник.

– Пока всё не уляжется, поживёшь в комнате моей дочери, – не спрашивая принял решение подполковник, заставляя меня в сотый раз задаться вопросом о причинах такой опеки.

Через полтора часа я уже была в его квартире. Давясь слезами зависти, пока ела домашнюю еду, наложенную с горкой в мою тарелку его женой. Везёт же его девчонкам иметь нормальную семью. И уснула в постели, пахнувшей кондиционером для белья с ароматом лаванды.

Но это не мой мир и не моя реальность. Бегать от проблем не выйдет. Вечно жить на иждивении Короткова не получится. А потому, отоспавшись сутки, рано утром я решила, что единственное, что мне остаётся, это откровенно поговорить с Шамилем. Только он способен меня защитить. Если пожелает.

Хотя, если брать в расчёт то, что я не явилась в назначенное время, он сначала меня убьёт. А потом найдёт способ оживить, чтобы кокнуть ещё раз.

Натянула на себя приготовленные для меня вещи и вышла из квартиры подполковника, окунувшись в морозное солнечное утро. Постояла так пару секунд, вдыхая в лёгкие воздух, и направилась через дворы к остановке общественного транспорта.

Только вот сесть в автобус у меня уже не получилось.

Чёрный минивен появился буквально из ниоткуда. Я даже не услышала звука двигателя, когда машина оказалась рядом. Дверь отъехала вбок, а меня проглотило тёмное нутро салона. И опомниться не успела.

Ударилась сильно задом. Тут же попыталась подняться, ощущая пугающую растерянность. Но мне не дали. К моему виску приставили холодное дуло пистолета.

Застыла, забыв, как дышать, смотря в глаза человека, направившего на меня оружие. Затем перевела на того, кто сидел рядом с ним. Их лица мне неизвестны. Но глаза... Я видела такие глаза. Эти люди все варятся в одном котле. Им незнакомо сострадание. Убить меня им ничего не стоит.

- Мне просто интересно, дура, какой у тебя был план? - раздаётся голос, нарушающий тишину. Оружие сильнее вдавливают в кожу, будто желая привести в чувство. Помогло.

Разглядываю говорящего, не спеша отвечать.

Жуткий тип. С лицом, которое не вспомнишь, даже увидев десяток раз. Худой, так что под тонкой кожей лица просвечиваются кости. Только, супротив сухого телосложения, он рассматривал меня с весьма влажным интересом.

И мне это ой как не понравилось.

Одно дело, когда тебя пожирает взглядом такой мужчина, как Шамиль. И твои трусики становятся мокрыми против воли.

Другое дело - тип, подобный этому. От которого хочется бежать без оглядки.

- Вы кто? - спрашиваю, чтобы оттянуть время.

Догадываюсь кто. Да и важно ли это сейчас, когда мои мозги могут окрасить салон автомобиля новыми красками.

- Я тот, кому ты задолжала огромные деньги. И тебе со мной не расплатиться вовек. Так что теперь я могу делать с тобой всё что захочу. А пока я хочу узнать ответ на свой вопрос.

Вопреки инстинкту самосохранения, необдуманные слова срываются с языка.

- Плана не было. Я просто хотела, чтобы такие, как вы, получили по заслугам, - губы растягиваются в сумасшедшей, безумной улыбке отчаявшейся девчонки, уверенной, что её ожидает неминуемая смерть.

В ответ на это мужчина кладёт оружие на свободное кресло, и следом за этим движением в моё лицо летит сухая, шершавая ладонь.

Дёрнулась, ощутив жжение на щеке, жмурясь от звёздочек, заполонивших всё вокруг.

Мозг посетила дельная мысль. Он не ударил меня рукояткой, потому что не хочет портить мою мордашку. И это ещё одна догадка, не радовавшая меня.

– По заслугам получишь только ты. И ты даже не представляешь, что тебя ждёт.

Мужчина откидывается на спинку сиденья, взирая на меня, растянувшуюся на холодном дне фургона, как на грязь. Я сглатываю слюну, силясь предположить, какие кары для меня уготованы. Но мне вовсе не хочется развивать эти мысли.

Мне бы хотелось сказать, что он не знает, кто я такая. Что меня найдут. Спасут. Вытащат с края пропасти. А его накажут. Но я вовсе не была уверена, что кто-то пожелает ввязываться.

Сообщить о том, что я знаю Соломона или Шамиля?

Что-то мне подсказывало, что дядя Соломон, как и во все предыдущие разы, когда я молила о помощи, останется безучастен к моей беде. А вот Шамиль... Молить потенциального убийцу отца вступить в очередной раз за меня и испортить отношения с крупным дилером? Бессмысленно.

Поэтому я проглотила свой страх. Запихала его в себя тугим комом, думая о том, что по мне даже плакать некому. Мама и не поймёт, что дочери больше нет. А кто ещё обо мне вспомнит?

Взгляд невольно упал на оставленное на кресле оружие. Сначала сработало моё тело, затем мой мозг.

Дёрнулась к нему, хватаясь за рукоятку. Холодный металл под кожей бодрил. Направила на мужчину дуло пистолета, поздно сообразив, что могла поступить иначе. Прикинуться дурочкой, соврать, что пакет с товаром случайно оказался у полиции. Может, пронесло бы. Может, моя симпатичная мордашка изменила бы

ситуацию. Но дельные идеи посетили мою голову с запозданием.

Я переводила нервный взгляд с одного мужчины на другого.

Наркобарон не стал брать с собой на эту простую миссию много людей. Вероятно, не ожидал сопротивления плюгавой девчонки. А потому они оба какое-то время смотрели на меня как на обезьяну с гранатой. А я, собственно, ей и была.

– Уверен?

И снова действие. Почти механические движения спазмированных мышц, а спусковым механизмом стал страх.

На меня набросился охранник. Но всё же обойма была опустошена на одну пулю.

Не знаю, что произошло. Достигла ли пуля цели, или, когда меня повалили на пол, траектория сместилась. Но удачно или фатально – вот в чём вопрос. Потому что я провалилась в приятную пустоту. В оглушающую темноту.

Я выползла из обморока со стоном. Открыла слипшиеся от слёз глаза. И обнаружила себя на вонючем матрасе. От него разило потом и другими биологическими выделениями.

– Очнулась? – раздался женский голос.

Попыталась сфокусировать взгляд в полумраке. Напротив, совсем рядом на узкой кровати, подобной моей, сидела девушка. И наблюдала с усмешкой за мной.

Не симпатичная. Юная, но измождённая. С глазами, уставшими от жизни.

Попробовала подняться, и на меня обрушилась ужасная, давящая боль, пригвоздившая тело обратно на вонючий матрас. Я прикрыла глаза, перестав шевелиться. Не имея возможности сдерживать стон. И только это немного дало боли отойти.

- Где я? – нечленораздельно интересуюсь.

- Ты в борделе. Скоро клиенты к тебе придут.

В глазах потемнело от дурноты. Попробовала восстановить дыхание. И через тошноту приняла вертикальное положение. Не лучшее время отключаться.

Зрение обманывало. Показывая не одну соседку, а троих. И я сидела, пялясь на неё, пока изображение не перестало троиться.

- Как отсюда выбраться? – спрашиваю, сжимая руками пульсирующие от боли виски. Слово голову сдавливает стальной обруч. И чем дольше я в сознании, тем туже.

- Никак. Это невозможно, – флегматично отвечает соседка ровным голосом. Без тени сожаления. Она сдалась. Сломалась. Смирилась со своей участью.

- А ты здесь давно? – поднимаю на неё взгляд сквозь пелену слёз. Голос сухой, как осенняя листва.

Во рту мерзкий металлический привкус. Провела языком по зубам. Выдохнула. Все на месте. Хотя, наверное, гости этого заведения были бы рады девице с обнажёнными дёснами. Безопасно и удобно. Тряхнула головой, чтобы избавиться от мерзких мыслей, и тут же об этом пожалела. По щекам полились слёзы дикой, оглушающей боли.

Ушло ещё некоторое время на восстановление. Сцепила с силой зубы, чтобы не застонать. Рассматривая новую знакомую.

На руках следы от уколов.

Мне редко в жизни становилось страшно. Должно быть, всё же инстинкт самосохранения у меня так и не развился, оставшись в зачаточном состоянии. Но сейчас я испытала это редкое для себя ощущение. Холод сковал каждую венку в теле, заставляя мышцы одеревенеть. Хотелось сбежать отсюда любыми путями. Потому что меньше всего в этой жизни я желала повторить путь матери.

– Три года, – раздаётся меланхоличный голосок.

Я прикидываю, что она моя ровесница, и от нетрудных математических расчётов становится мерзко. Её держат тут животные.

Дверь резко распахнулась. Я вздрогнула от неожиданности. И очень медленно перевела взгляд на вошедшего. Не убила я наркобарона. А жаль. Здоровёхонький.

Встал вплотную, изучая меня с засунутыми в карманы брюк руками. Едва ли не тыча пахом мне в лицо.

– Ну что, нравится новое жилище? – усмехается, радуясь моему разбитому состоянию.

– Пошёл на хуй, – отвечаю на удивление чётко, хотя с трудом справляюсь с языком, который, казалось, опух во рту.

Мужчина, чьего имени я даже не знала, опустил голову чуть ниже, пытаюсь поймать мой взгляд. И я посмотрела на него, чтобы утонуть в море безразличия.

Он творит это со мной не потому, что ненавидит. А потому что может. И желает проучить. Наказать за то, что обвела вокруг пальца.

– По этому направлению ты будешь ходить часто и долго. Пока не сдохнешь здесь. Я попросил тебя не шадить. Тебя затрахают до смерти. Как тебе такая перспектива? Даже интересно, скольких мужиков ты выдержишь. А потом тебя выбросят на помойку, как мусор. И ты там будешь доживать последние часы. Нравится моя идея?

Он говорил и говорил, заставляя мои жилы скручиваться в жгут. А я строила план побега, хотя совершенно не представляла, где нахожусь. Сколько здесь охраны. Как расположены комнаты и в какую часть города меня засунули.

Поможет ли мне кто-нибудь, удастся ли мне спастись или его угрозы исполнятся? Думать об этом хотелось меньше всего. И я отодвигала страшные мысли от себя подальше. Нельзя сдаваться. Никогда нельзя сдаваться.

Должно быть, во время его спича я упала в обморок или отключилась. Не знаю. Но в следующий раз меня приводили в себя нашатырём.

– Поднимайся давай. Работать пора. Хватит отдыхать.

Резкий запах ударил прямо в мозг, вынуждая глаза распахнуться. И впериться взглядом в дородную женщину. Она ничем не отличалась от тех людей, что можно встретить в общественном транспорте или в магазине. Только вот деятельность вела совсем не обычную.

Подняла меня одним лёгким движением на ноги. Я думала, шлёпнусь тут же в обморок. Но на удивление выстояла, хотя на мгновение перед взором всё потемнело. И она потащила меня куда-то, продолжая сжимать моё предплечье.

Мне всё ещё было дурно, хотя гораздо лучше, чем вчера. Или сколько я уже здесь? Понятия не имела.

Женщина затолкала меня под душ и приказала раздеться. Но смысл её слов с трудом доходил до сознания. И тогда она просто разрежала мои тряпки на лоскутки. Включила воду и направила в мою сторону напор ледяной воды.

Я взвизгнула, приходя в себя. Смотря на неё разъярёнными, ошалелыми глазами.

– Очнулась, шалашовка? – смеётся, глядя на меня, а я дрожу, обнимая собственные плечи, пытаюсь прикрыть грудь от сильного напора, жалящего кожу.

– Что вам от меня надо? – спрашиваю, клацая зубами.

Вода стала чуть теплее, но всё равно недостаточно для того, чтобы согреться.

– К первым клиентам готовлю, – последовал короткий ответ, дающий понять, что задавать новые вопросы смысла нет.

После завершения экзекуции она кинула в меня полотенцем. Застиранным, старым. Я обтёрлась им, раздражая до красноты кожу в попытке разогреть её.

В узкой каморке, куда меня привели закутанную в полотенце, основным предметом интерьера являлась широкая кровать. На ней же лежали какие-то шмотки. На старом туалетном столике была разбросана косметика. Видимо, этой комнатухой постоянно пользуются.

– Одевайся сама. Или хочешь, чтобы тебе помогли?

На полу стояли проститутские туфли. Шмотки не предназначались для того, чтобы прикрыть тело. Наоборот. Чтобы им было удобно пользоваться. Как рабочим станком.

Пересилив себя, я натянула тонкие верёвочки стрингов, чулки в крупную сетку. Для секса всё это тряпьё даже снимать не требуется. Просто отодвинуть трусы в сторону.

– Жди, – приказала женщина и выкатилась из каморки.

Я бы ринулась за ней. Да там ждали амбалы. Я их видела, пока шла сюда.

Огляделась, прикидывая, что поможет мне отсюда выбраться. Как тогда, у Вуйчика. Ох, неплохо было бы, если бы следующим посетителем оказался какой-нибудь мой спаситель.

Но нет. Без стука в комнату вошёл незнакомец.

– Здравствуй, красавица, – произнёс он, осматривая меня и явно оставаясь удовлетворённым увиденным.

Я молчала. Лишь сделала шаг назад, когда он начал наступать, берясь за пряжку ремня.

Прикинула, смогу ли справиться с ним. Но шансов один к ста. Он большой, сильный мужчина. Долго ли я буду сопротивляться, перед тем как мою волю сломают и растопчут?

– Я по ошибке сюда попала. Я не хочу. Помогите мне, пожалуйста, – залепетала, с трудом узнавая свой перепуганный голос.

– Я деньги заплатил. Мне насрать, чего ты хочешь, а чего не хочешь, – усмехнулся, разглядывая моё едва прикрытое тело и заводясь.

Его возбуждение откровенно читалось во взгляде и языке тела. И я вдруг с ужасающей ясностью поняла, что не спасусь от него. Не справлюсь. Не смогу сбежать.

Здесь даже окон нет. А стены хорошо звукоизолированы.

Мамочки.

Стиснула кулаки так, что ногти вонзились в ладони. Я выколю ему глаза и отгрызу член. Может, хоть так не буду долго мучаться. Для себя уже всё решила. В одну секунду. И эта решимость не покинула меня даже тогда, когда он подошёл вплотную. Сжал в объятиях, впиваясь в мой рот. Вызывая лишь рвотный позыв. От ощущения чужого дыхания, запаха тела мне хотелось снять с себя кожу. Он шарил руками по моему телу, проверяя гладкость и упругость выступающих частей. А я расслабилась, думая о том моменте, когда сумею вонзиться в его яремную вену зубами.

Время текло неторопливо, будто намеренно замедляя ход.

– Что ты как неживая рыбёха? – сдавливает до боли грудь, а я смотрю в его глаза, не понимая, какая должна возникнуть реакция, когда меня так грубо истязают. Неужели кому-то могут быть приятны подобные прикосновения чужого, не спросившего позволения дотронуться, человека?

Он торопливо скинул свои брюки, и они с бряцаньем упали на пол. Я опустила взгляд, с отвращением и ужасом увидев его обнажённый полувставший мужской орган.

– Давай, приласкай его, – просит хрипло. И тут я понимаю, что сейчас оторву ему яйца.

Поднимаю на него безумный взгляд, намереваясь исполнить задуманное, и в следующую секунду раздаётся стук в дверь.

В комнату возвращается моя дородная знакомая. Вся красная, запыхавшаяся. Покрытая потом, будто бежала сюда на всех парах, преодолевая подкатывающий инфаркт.

– Извините, мы сейчас вам другую девочку дадим. Эту нельзя, – запинаясь, объясняется она, глотая воздух.

Я наблюдаю за всем оторопело, не веря собственным ушам.

– Что? – свистит сквозь гнев мой первый клиент. – Да ты знаешь, кто я такой и что тебе за это будет? Вон пошла отсюда!

Вслед за мамкой в комнату заходят амбалы, намекая на то, что устраивать истерики бесполезно.

– Выметайся, – кивает мамка в мою сторону, и я торопливо следую этой рекомендации. – Тебя повезут в другое место. Не менее интересное.

Глава 8

– Куда? – спрашиваю на автомате, запоздало соображая, что правды мне никто не скажет.

Мамка неприязненно меня разглядывает, раздражаясь от самого факта моего существования. И по глазам вижу, как ей будет приятно причинить мне боль. Хотя мы с ней едва знакомы.

– Поторапливайся, если не хочешь остаться здесь и сначала удовлетворить первого клиента, – мерзко усмехается, покручивая на пальце ключи.

На негнущихся ногах я проковыляла вон из этой каморки, которая будет сниться мне ночами в кошмарах. И только сейчас ощутила, насколько пережитое оказалось страшным. А ещё недавно лишиться девственности с тем, кого я вижу впервые в жизни, – неизбежным.

Пока шла, вся обстановка размылась в одно пятно. Куда меня везут, к кому?

Обшарпанные стены, побитый ботинками пол. Множество дверей по бокам. И звуки, ранившие мой ещё невинный слух.

Они пробирались через звукоизолирующую обшивку и пугали до чёртиков. Где-то раздавались стоны удовольствия, а где-то прятались мелодии боли и страха. Мольбы прекратить пытки. Но и за это извращённое удовольствие – слышать женскую боль – заплачено. С лихвой. Чьей-то жизнью и грязными банкнотами.

Предплечья сжимали стальными тисками. Но я даже радовалась боли от грубых захватов. Она приводила в чувство. Бодрила. Не давала упасть в бездну отчаяния.

Потому что голову посещали лишь тёмные, жуткие мысли. Окружавшим меня людям я не доверяла.

Прежде чем выпустить на улицу, мне завязали глаза чёрной тряпкой. Под веками встала кромешная тьма.

Страх разливался по венам тёмной, густой жижей. Связывающей мышцы и волю.

Из ощущений остались только телесные. Чужеродные прикосновения рук. Смердный запах пота моих конвоиров.

Я шла, пытаюсь избавиться от грубого захвата, но ничего не получалось. Два амбала, что меня вели, и не думали ослабить хватку. Но разве мне привыкать к синякам.

Забросили, как ненужный товар, на дно автозака. Прикинула, какой по счёту синяк получила моя задница. Благо она у меня широкая и есть простор для кровавых разводов.

По пути ко мне не прикасались. И я расслабленно откинула голову назад, ловя глазами скудные лучи света через прорезь повязки. Чувствуя каждую кочку по пути.

И снова тысяча вопросов. Куда меня везут? Зачем?

В какой-то момент я перестала бояться. Страх отошёл на задний план, и на меня накатило безразличие. Единственное, чего я опасалась, – это посягательств на собственное тело. Смерть порой кажется не такой страшной, если она мгновенная. Без мучений, без боли и ужаса.

Автомобиль остановился. Дверь распахнулась. Я почувствовала дуновение ветра, лизнувшего мою оголённую плоть. Обжёгшего её холодом.

– Пошли, шалава, – обратился ко мне мужчина и грубо потянул на себя, – тебя заждались.

Улица. Жар помещения, куда меня буквально всосало. Облегчение от теплого воздуха, принявшего в свои объятия. Почти блаженная нега.

Мне развязали глаза лишь тогда, когда двери лифта сомкнулись за спиной. Вытолкнули из него пинком, ударив между лопаток. Я едва не упала, когда каблуки увязли в ворсе ковра.

Погримасничала, ощущая, что даже на лице мышцы успели одеревенеть под плотной повязкой. И осмотрелась, морщась от света. Пространство вокруг казалось смутно знакомым. Хотя я здесь точно никогда не бывала.

– Шевели булками, сучка, – очередной толчок.

Хорошо тебе, амбал недоразвитый, демонстрировать силу с тем, кто тебя слабее в десятки раз. Был бы у меня ножичек, я бы давно уже вонзила его поглубже в двух упырей. Но из моего оружейного арсенала со мной лишь язык.

– Если бы твой хозяин-фетишист не нарядил меня в эти дешёвые шмотки, я бы давно от вас сбежала. – Вспомнила маслянистые глазки наркобарона. – Но боюсь, у твоего хозяина иначе не встанет. Так ведь?

Прикусила язык, получая очередной синяк в свою коллекцию. Страшно представить, как выглядит моя кожа. Наверное, ни одного живого места нет.

Но на этом конвоир не останавливается. Ударяя меня о ближайшую стену с такой лёгкостью, будто я плюшевая игрушка. Абсолютно не испытывая жалости

и не считая меня за живого человека, способного испытывать боль.

Но какая теперь разница. Может, лучше оказаться в беспомощности, чем выставленной на поругание толпой мужиков. От этих мыслей сделалось совсем не по себе. Потому что я отлично понимала, что совершённый мной проступок непростителен в криминальных кругах. Я не только подставила наркоторговца. Я ещё пыталась его угомонить. Жаль, неудачно.

Второй охранник оттащил меня от своего собрата, отпуская ехидные комментарии. И повёл к резной двери. Охранники, сторожившие вход, распахнули её перед моим носом. В глаза ударил холодный свет. И я не сразу сумела рассмотреть всех присутствующих.

– А вот и наша сегодняшняя ставка пришла, – услышала я голос наркобарона. Скользнула по нему взглядом и уставилась на Хозяина.

Сердце ухнуло вниз, как на американских горках, пока я ждала, когда же он обратит на меня внимание. Но он лишь мазнул взглядом по мне без интереса. И сердце, как на аттракционе, принялось стремительно подниматься вверх, стуча в горле и отдавая в виски.

Карточный стол. Покерный, полагаю.

Смешно. Разве я нужна Шамилю? Я ведь проблема, головная боль. Меня проще убить, чем спасти от самой себя.

– Принимаю, – прозвучал его ледяной ответ, от которого мурашки поползли по спине.

И вдруг приходит осознание, очень медленно и туго. Что цель Шамя не спасти меня. А наказать. Лично. И за это удовольствие он готов платить. Знать бы, какую ставку он поставил против. Если проиграет. Чего может из-за меня лишиться?

Шлёпнулась измождённо на пол, прислонившись к стене и наблюдая за ним украдкой. И вдруг поняла, что соскучилась по нему до чёртиков. Только от возможности его видеть мне стало хорошо. Тепло. Наверняка подобное

испытывают наркоманы во время прихода. Когда по венам струится кровь, посылая в мозг сигналы об удовольствии. Оно накатывало на меня волнами, грея моё замёрзшее нутро.

Шамиль источал секс. Не только потому, что был красив как бог. Каждое его движение казалось строго выверенным, спокойным. От него исходила аура власти, и мне хотелось с криком запрыгнуть в неё, как в речку в жаркий день. Потому что я дико устала бояться и прятаться. И только за его спиной увидела безопасное место.

Сильные пальцы, которыми он виртуозно жонглировал картами, вызвали в моей голове совсем похабные ассоциации. О том, как он прикасается ко мне. И как раз именно сейчас я в наряде, предназначенном для быстрого секса. Полоска трусиков, закрывающая мою промежность, такая тонкая, что носит исключительно декоративную функцию. Не скрывая ничего от глаз.

Свела колени, со стыдом сознавая, что ноги расходятся в стороны против моей воли.

Запоздало сообразила, когда обстановка за столом изменилась. Наркобарон казался злым.

Шамиль выгнал всех из комнаты. Поднялся из-за стола, наконец обратив на меня внимание. Будто только что заметил реквизит, который он выиграл. Его приз.

Но чем дольше смотрел, тем страшнее становилось. Не спеша изучал мой наряд, подмечая каждую деталь. Дурацкие чулки в сетку. Короткую юбочку. Топ, поднимающий мою грудь так высоко, что я могла бы положить на неё подбородок.

И под его взглядом мне захотелось стать мышкой и сбежать отсюда куда подальше. Потому что такой ярости я, пожалуй, ещё никогда не наблюдала.

– Чем со мной будешь расплачиваться за свою жизнь, Лиса?

Сглотнула застрявшую в горле слюну, с замедленной реакцией наблюдая за его рукой. Мне сначала показалось, что он хочет ударить. Одно движение, и от меня останется мокрый след на стене. Но нет, Шамиль лишь резким жестом сжал пятернёй моё лицо, придвигая ближе к себе.

Чтобы ослабить возникшую боль, я отлипла от стены и потянулась вслед за его рукой, вставая на колени и упираясь в пол ладонями. Дурацкая, унижительная поза. Но никакого унижения я не испытывала. Наоборот. Что-то странное родилось во мне. Животное. Я вдруг ощутила себя самкой, которую подмял её самец. И замерла, глядя ему в глаза, пока внизу живота назревал настоящий пожар. Сжигающий все мои страхи, все мысли. Предположения о том, что он причастен к убийству отца. В голове ничего не осталось кроме пепла из этих мыслей.

Он взирал пустыми, стеклянными глазами. И невозможно было прочитать, что за ними прячется. Ни одной эмоции. Только чёрная бездна. Словно он размышлял, сейчас повести на плаху свою посудомойку или оттянуть момент удовольствия.

Может быть, он меня ненавидит. Знает ли он что-то о моей личности? Или спас потому, что я для него лишь случайно забредшая на этаж с его апартаментами сумасшедшая девчонка? От жалости, видя, в каких условиях я живу.

Облизнула нижнюю губу острым язычком, не разрывая зрительного контакта. Выпрямилась и коснулась его кисти, что причиняла мне боль. Провела пальцами выше к его идеально выглаженной рубашке, пахнущей свежестью и его туалетной водой. Остановившись там, где хватило длины рук.

- Собой, - едва слышно выдохнула, продолжая мелко трястись.

Что-то в нём дрогнуло, стоило услышать мой ответ. Но он усомнился, не поверил собственным ушам.

Потянул к себе, словно желая найти ответ на немой вопрос в моих глазах. Мне пришлось выпрямиться, продолжая стоять перед ним на коленях.

Я ощутила исходящий от него запах. Дурманящий моё сознание. И я дышала часто и резко. Как собака, встретившая своего хозяина после долгой разлуки. И признавая его лишь по запаху. Мне хотелось насытиться им. Впитать его в

себя. Потому что он казался непередаваемо вкусным. Сводящим с ума.

– Начинай, – с какой-то странной, непонятной мне интонацией ответил. Слишком ровной для предложения, которого ждут. Это выбило меня из равновесия.

Может, я ему даром не сдалась?

Заглянула в его глаза, пытаюсь найти ответ. Увидеть подбадривание или хотя бы что-то. Но он смотрел на меня иначе, не так, как всегда. Слишком сосредоточенно и спокойно, будто замуровав все до единой эмоции под стальной щит.

– Что начинать? – переспрашиваю, с раздражением слыша, как дрожит мой голос.

Смотрю на него круглыми, испуганными глазами. Продолжая надеяться, что он поцелует меня. Обнимет. Заставит забыть весь ужас, что я пережила в последние дни. Я хотела его объятий, желала слиться с ним в единое целое, стирая границы собственного тела. Заполнить зияющую пустоту, что постоянно испытывала.

– Покажи, что ты умеешь, – уголок его губ едва заметно приподнялся, имитируя улыбку, но глаза оставались пустыми. И я острее ощутила растерянность.

– Что я умею? – ещё раз переспрашиваю.

Я умею целоваться. Но вряд ли он хочет именно этого.

Шамиль провёл большим пальцем по моим губам. Надавил на центр, как на сердцевину плода, заставляя приоткрыть рот. Я ничего не понимала в этих играх. Являясь в них жалким новичком и едва соображая, что от меня требуется. Ощущая себя ведомой его действиями. Но при этом дико желая показать ему свою искущённость, чтобы он не принимал меня за неопытную пигалицу.

Палец проник внутрь, скользнул по языку, рождая новые ощущения. Я безотчётно сомкнула губы, втягивая палец внутрь, продолжая смотреть на Шамиля, и лишь его потяжелевшее дыхание и бугор, появившийся на брюках,

подсказали, что он возбуждён.

– Я хочу твой рот.

Улыбка на губах казалась более явственной, но исходящий от его слов холод морозил.

– Я хочу, чтобы ты меня обслужила.

Нахмурила брови, пытаюсь понять, почему он выбирает подобные выражения. Неужели он считает, что я притащилась в бордель по собственной инициативе? Мне хотелось задать ему этот вопрос, но я не рискнула.

Наверное, я должна была ещё раз оскорбиться. Что-то сказать вроде: «Я не такая, я никогда этим раньше не занималась». Но меня раздирало дурацкое любопытство.

Я хотела убедиться, что он такой же большой, как в моих воспоминаниях.

Отбросила мысли в сторону. Потянулась к его ширинке, замечая, как его рука перемещается на тыльную сторону моей шеи. Поднимается к затылку, перебирая короткие кудряшки волос, и почему-то именно этот жест вызывал румянец на щеках. Он гладил меня, поощряя, как послушную собачку, исполняющую его приказы. Тяф-тяф.

От жёсткого ремня исходил запах выделанной, грубой кожи. Приятный, с лёгкой горчинкой. Я пыталась неловко справиться с застёжкой, но она не желала мне поддаваться. Или пальцы плохо слушались. Тело словно отказывалось подчиняться.

Меня обуревали одновременно противоречивые эмоции. Желание и смущение. Любопытство и страх.

Что, если у меня ничего не получится? Что, если ему не понравится?

Наверное, так бывает, когда вспотевший пальчик соскальзывает со спускового курка и раздаётся оглушающий выстрел. Вот так происходит порой с моим языком.

– Может, отложим? – поднимаю на него свои светлые очи, стараясь придать лицу более невинный вид. – Я никогда этого раньше не делала. Я потренируюсь на ком-нибудь другом, и мы продолжим.

Движение его руки, смявшей мои короткие волосы в кулак, вдруг стало для меня потрясением. Шоком. Резкая боль пронзила голову. Мне показалось, он решил снять с черепа скальп.

Слёзы потекли рекой по щекам, окропляя губы солёной влагой.

Шамиль притянул меня за волосы чуть выше, нагнулся, давая возможность рассмотреть пылавшую в глазах ярость. Бешенство. Будто я сорвала чеку с гранаты и теперь наблюдаю за ядерным взрывом.

Ничего живого, человеческого в нём не осталось. Разве что пульсирующая на лбу вена выдавала, что он соткан из плоти и крови.

Сердце забилось вновь чаще. Уже не от возбуждения. Я пялилась на него, забыв, как дышать. Забыв, что у меня есть лёгкие и они должны функционировать.

Нет, мне хотелось их выплюнуть.

– Рот открой, – просит спокойно. Но я ощущаю шлейф угрозы. Тот случай, когда становится ясно, что перечить разъярённому зверю не стоит.

Зомбированная его интонацией, я выполняю приказ. Размыкаю губы.

– Покажи язык.

Дрожа, высовываю язык. Мне кажется, даже он подрагивает.

Свободной рукой Шамиль расстёгивает молнию брюк. Я с удивлением наблюдаю, как он достаёт член. Сжимает его своей пятернёй.

Мой мозг мимоходом фиксирует, что его тыльная сторона рук и пенис увиты венами. Пульсирующими жгутами, пропускающими кровотоки.

Глоотаю судорожно воздух, оценивая масштаб органа, который мне предстоит вобрать в рот. И невольно отвожу голову назад, но Хозяин не позволяет изменить положение. Крепко держит.

Боже, он не поместится во рту. На что Шамиль вообще рассчитывал? Он же порвёт меня. Любую часть меня. Даже ту, что в силу физиологии предназначена для мужских пенисов.

Неловко сглатываю подкатившую слюну как раз в тот момент, когда член тычется в рот. Шамиль не спешит прорваться дальше. Скользит головкой по верхней губе, мягко касается языка. Совершая лёгкие поступательные движения. Чисто символические. Словно забавляется со мной, как с игрушкой. Раздражая сосочки на моём языке. Подавая сигналы в мозг о том, какой он вкусный.

Ещё один судорожный, неловкий вздох. Слюна, стекающая по подбородку.

Покачивающее движение тела, словно маятника, которым завораживают змею. Или змей завораживает меня?

Не заметила, в какой момент он отпустил мои волосы. Боль ушла. На её место вернулось возбуждение, горячей волной ударившее по клитору.

Маленькая горошинка и половые губы запульсировали. Между ног появилась приятная, тянущая боль. Истома, медленно охватывающая всё тело. Делая кожу мучительно чувствительной. Жаждающей прикосновений.

И эта чувствительность словно устремилась вверх, к одной точке. Ко рту. К губам. Языку. Делая их гиперчувствительными. Позволяя получить удовольствие через них.

– Шире, – царапающим барабанным перепонками голосом приказал Шамиль, сопровождая слова действием, – сжал мою челюсть пальцами, надавливая на щёки и вынуждая распахнуть рот.

И я невольно подчинилась.

Член проник глубже. Заполнил рот. Скользнул по нёбу. Уткнулся в горло, перекрывая какую-либо возможность дышать.

И я едва не умерла от ужаса. Оцепенела. Ощущая естественные позывы.

Хозяин смотрел чёрными глазами. Темнее самой глубокой пропасти. Словно желал проучить меня. Подчинить. Наказать.

Давая возможность мне ответить лишь взглядом, полным тревоги. Ощущая бег мурашек по вспотевшей коже.

Супротив его грубости, он коснулся моей щеки костяшками. Погладил.

Совершил обратное движение бёдрами, освобождая рот, давая надышаться. И удерживая от падения. Потому что я неминуемо рухнула бы на пол.

– Ублюдок, – выдыхаю, промаргивая слёзы, затопившие глаза. Всхлипывая от острой обиды.

– Ты моя. И твоя задача – выполнять мои желания, – сообщает на полном серьёзе, вызывая лишь одну ответную реакцию – расцарапать его самодовольную рожу.

Но у меня нет никаких шансов. Разве я способна бороться с ним?

Шамиль скользит головкой члена по моим губам. По щекам. Размазывая свой запах по мне, словно помечая.

И я ненавижу себя в этот момент. Потому что не могу противостоять потребностям собственной плоти. Желание не угасает, оно лишь сильнее разгоняется.

Отвожу голову в сторону, вбирая его пряный запах, проникающий в меня. Впитываю его в свои поры подобно губке. До краёв наполняясь им. Ощущая, как гладкая, словно шёлк, головка оставляет влажный след на коже.

Шамиль сжимает мой подбородок, поднимая моё лицо к себе. Заставляя всматриваться в глаза, полные животной похоти. Я ныряю в его зрачок и тону в ней вместе с ним, кожей чувствуя, что пощады ждать не стоит.

– Смотри мне в глаза и слушай, – произносит, а я замороженно слежу за движением его губ, мечтая о том, чтобы они прикоснулись ко мне. Чтобы ласкали и доставляли наслаждение. И сейчас мне кажется, ради исполнения моих желаний я готова на всё. Только бы получить свою порцию тепла.

– Обхвати член рукой, – распоряжается глухим, севшим от напряжения голосом.

И я, словно марионеточная кукла, поднимаю руку, прикасаясь к горячему органу. Кожей чувствуя его гладкость, представляя, как этот монстр скользит во мне. Заполняет мою плоть, избавляя от пустоты. От чёрной тоски.

Во рту скапливается слюна, а губы сохнут. Облизываю их и упорно смотрю в его глаза, замечая, как он жадно наблюдает за моими движениями. И ему до чёртиков нравится то, что он видит.

Орган пульсирует в моей ладони. Я ощущаю каждую венку. Ток его разгорячённой крови резонирует по мне. И я отвечаю взаимностью его возбуждению, испытывая не меньшее.

– Возьми в рот, – произносит, и я понимаю, что каждая буква даётся ему с трудом. Он едва себя контролирует. И наверняка мог бы вести себя грубее и резче. Только по глазам читаю, что у него совсем иные желания. Фантазии. Он хочет, чтобы я касалась его по доброй воле.

Будь я хорошей, правильной девочкой, наверняка внутри меня родился бы бунт.

Но нет, во мне нет ничего правильного. Я вся как ребус, в основу которого заложена ошибка. Неправильная по своей сути.

Я целую головку члена. Жест мог бы выглядеть невинно, будь на месте полового органа его щека.

Наблюдаю за его расширившимися зрачками, пробуя вобрать головку в рот. Она солонит на языке, и мне дико нравится этот вкус. Его вкус.

Вязким от слюны языком я скольжу по твёрдому стволу. Он, как заряженное оружие, наполнен силой.

Шамиль накрывает мою руку своей, давая понять, как ему больше нравится. Водит мою ладонь по члену, оттягивая тонкую кожу. И когда я ловлю ритм, перестаёт помогать.

– Следовало давно занять твой рот своим членом, может быть, тогда ты доставляла бы мне меньше неприятностей, – с усмешкой замечает, не отводя от меня тёмных глаз.

Я пробую оторваться от него, запротестовать. Возмутиться, в конце концов. Но Хозяин не позволяет, удерживая мою голову руками, обхватив её и контролируя глубину проникновения. И я ощущаю себя приспособлением для получения им удовольствия. Это меня корбит, бесит и странным образом ещё сильнее возбуждает.

Я никак не могу понять своё тело. Почему оно так откликается на его слова. Почему потребность в нём не падает вниз, а растёт с оглушающей прогрессией. Зуд желания между ног становится всё более нестерпимым. Мучительным и болезненным.

Пробую незаметно опустить руку на промежность. Мне так мало нужно, всего лишь коснуться клитора, и тело расщепится на атомы.

Пальцы Шамиля сильнее вдавливаются в мой череп, массируя и удерживая. А затем он совершает уже знакомый мне жест – стягивает мои короткие волосы, намеренно причиняя мне боль.

– Ты наказана, Маугли, и кончишь, когда этого захочу, – сильнее отводит руку, позволяя мне освободить рот от его пениса, – поняла?

Но только для того, чтобы я произнесла то единственное слово, которое он хочет слышать.

В подтверждение он усиливает хватку, отчего по щекам снова текут слёзы. И всё, что мне остаётся, это промычать – «да».

Давление потихоньку спадает. А Шамиль принимается поглаживать мой измученный скальп, словно утешая за причинённые страдания. Заставляя испытывать к нему одновременно любовь и лютую ненависть. Ненависть за то, что делает меня послушным, выдрессированным животным.

По глазам его вижу, читаю как открытую книгу его главное желание – подсадить меня на свой член, как на иглу. И больше всего опасаюсь, что у него с лёгкостью получится исполнить его.

Ему нравятся не только мои неумелые ласки. Его заводит вид, открытый его взору. Я на коленях перед ним. Долбаный извращенец.

С каждым толчком члена во рту я ощущаю, как он заходит всё дальше. Действуя грубее и резче. Лишая меня возможности дышать. Сохраняя за мной право на жалостливые хрипы.

В попытке его остановить я упираюсь ладонью в его бедро, и лишь в этот момент он словно осознает, что делает. Что причиняет боль. Но вместо того, чтобы прекратить, с последним толчком проходит дальше, и по пульсации члена я понимаю, что он получил желаемое. И начинаю едва не захлёбываться, пока пищевод наполняет его сперма.

Лишь кончив, он освобождает меня, позволяя дышать.

И хочется плакать от обиды и жалости к себе. Возможно, в любой другой ситуации я смогла бы справиться с нахлынувшими чувствами, но слишком измотана. Утомлена чередой потрясений, в которые угодила. И эмоции прорываются через мою броню наружу. Горькими слезами.

Шамиль молча застёгивает ширинку, наблюдая. Я не вижу его лица и не хочу смотреть на него. Насмотрелась, хватит. Не-на-ви-жу.

К моему удивлению, он опускается на корточки. Со странной, совсем не сочетающейся с его грубостью минутой ранее, нежностью обхватывает пальцами мой подбородок. Увожу взгляд вбок, всхлипывая. И ощущаю, как его большой палец скользит по моим влажным губам, догадываясь, что он размазывает по ним остатки спермы.

– Тебе очень к лицу отсасывать у меня, Маугли. И ты будешь делать это часто и с удовольствием, – он придвигает меня чуть ближе к себе, лёгким касанием целует мою солёную от слёз щеку. Ведя дорожку коротких поцелуев к вискам. Слипшимся ресницам. К своему стыду, под этой лаской я таю, прекращая плакать. Мне хочется, чтобы он продолжал меня касаться. Потому что кажется, эти ласки исцеляют тело и душу.

Тянусь к нему, как росток к солнцу. В непреодолимой потребности в тепле.

И с какой-то животной жадностью он притягивает меня ещё ближе, утыкаясь носом в мою шею и вбирая в лёгкие запах моей разгорячённой, покрытой испариной кожи.

– Ещё раз ослушаешься – убью, слышишь? – его зубы смыкаются, прикусывая тонкую, нежную плоть, и тут же горячий язык зализывает место укуса. – На цепь посажу.

Судорожно вздыхаю, не понимая его чувств. Отношения ко мне. Поведения, замешанного на злости и нежности. Ранящего, терзающего и освобождающего от душевной боли и гнетущего одиночества.

Он искал меня. Он нашёл меня.

Может быть, он нуждается во мне так же, как и я испытываю потребность в нём?

Шамиль отстраняется, но совсем чуть-чуть. Обхватывает моё лицо ладонями, всматриваясь сначала в один глаз, затем в другой. Будто намереваясь найти ответ на дне радужки, подёрнутой пеленой слёз.

– Ты меня поняла? – голос колющий, напряжённый, и глаза горят странным блеском. Я смотрю на него растерянно. Успев позабыть вопрос, который он мне задал.

Ослушаюсь и убьёт? Боюсь, жить мне осталось недолго. Ибо послушание не заложено в моём геноме с рождения.

Киваю нерешительно.

Шамиль хищно щурит глаза, наблюдая. И качает головой, совсем не веря.

Поднимается и тянет меня вверх. Видимо, пока стояла перед ним на коленях, ноги затекли, и я перестала их ощущать.

Качнулась, и свалилась бы наверняка лицом в пол, если бы он меня не подхватил.

Взглянула на него и замерла, ощутив разительную перемену.

Все эмоции, что я считывала ещё несколько секунд назад, исчезли. На смену им пришло холодное спокойствие и новое, странное выражение. Будто он поставил меня под прицел и ожидает, когда я совершу ошибку.

А я её совершу. Мы оба это знаем.

И мне вдруг сделалось не по себе. Но отчего, сама понять не в состоянии. Тревога разлилась по венам, как у животного, которого гонит охотничий пёс.

– Тебя кто-нибудь тронул? – задаёт вопрос. Его смысл доходит до сознания не сразу.

В памяти всплывает картинка, как тот урод в борделе меня лапал. Должно быть, мои мысли слишком хорошо отобразились на лице, потому что желваки на челюсти Шамиля чётко обозначились.

– Кто? – коротко уточняет чуть тише. И так жутко сделалось от его интонации, что мурашки на моей коже решили сбегать куда подальше.

Отстраняюсь, начиная ощущать покалывание в конечностях и переступая с одной ноги на другую. Однако Шамиль продолжает удерживать меня за предплечья.

– Как ты, меня никто не трогал, – наконец даю членораздельный ответ, а не с членом во рту.

Сжал сильнее, наверняка оставляя ещё одни синяки на моём истерзанном теле. Почти приподнимая от пола до самого своего носа.

В глазах пылающая ярость, но мне совершенно не ясны её причины.

Пытаюсь вырваться из грубых объятий, но лишь потею от натуги. Понимаю, что со стороны мои старания выглядят как бесполезное копошение. Потому что Шамиль ни с места не сдвинулся, ни стальной хватки не ослабил.

– Да не знаю я! Пришёл какой-то мужчина, пытался залезть мне в трусы, – выдаю на одном дыхании, почему-то краснея.

Его пальцы стремятся вниз по телу. Шамиль задирает мою и без того коротенькую юбку на талию, и через секунду его рука накрывает мой лобок. Вздрагиваю, ошарашенно глядя на него.

– Так касался? – ещё один тихий вопрос.

Сглатываю слюну.

Хозяин поглаживает меня, как вздорную уличную кошку. С чёрной шевелюрой. Как у меня на лобке. Только, в отличие от кошки, я кучерявая там. Облизываю пересохшие губы, ожидая, когда его пальцы опустятся ниже. Коснутся клитора. Когда я получу желаемую разрядку. Потому что возбуждение продолжает причинять страдания.

– Нет. Так не касался, – глухо произношу севшим голосом. Ноги становятся ватными, и я сама уже хватаюсь за Шамиля.

Он удовлетворённо отстраняется, лишая сладкого. И наконец до меня доходит, что он продолжит наказывать и дальше. Как долго?

Смотрю на него с ненавистью, едва справляясь с желанием вонзиться ему в шею и вырвать зубами кадык.

Хозяин неторопливо снимает с себя пиджак и накидывает мне на плечи. Пиджак закрывает меня почти до колен, но не скрывает моего развратного вида. Потому что он отпечатался на моём лице. И языке, на котором я ещё чувствовала вкус его спермы.

- Пошли, - берёт меня за запястье, не доверяя ни на гран.

И я следую за ним, минуя пост охраны. Лифт. Рассматриваю себя в его зеркалах. С потёкшей по щекам тушью, размазанной помадой. И где-то во мне должен был бы родиться стыд. Но его нет.

Наверное, я слишком устала. Часть чувств атрофировалась. Главное ведь - выжить. И я выжила в очередной раз.

Усталость навалилась в один момент. Должно быть, тело решило, что я в безопасности. Рядом с самым страшным зверем этого города.

Глава 10

Облокотилась на металлические перила лифта, потихоньку сползая вниз под грузом давящего переутомления. Шамиль, стоя ко мне спиной, наблюдал какое-то время за мной, молча изучая в зеркале. Вид у него был такой, будто он может запросто оставить меня тут одну валяющейся на полу.

Понять бы его, разобрать, что в голове творится, какие мысли в его черепе генерируются.

Когда створки распахнулись, Хозяин совершил то, чего я от него никак не ожидала. Взял меня за руку.

Вздрогнула, вздохнула и тут же задохнулась.

Моя ладонь оказалась сжата его тёплыми пальцами. От переизбытка чувств споткнулась на высоченных каблуках и рухнула бы носом в пол. Но Хозяин не дал. Потянул меня за руку, как ребёнка, норовящего упасть в лужу. Без единого слова, лишь сверля тёмными глазами. И поставив на ноги, повёл вперёд, выводя на парковку через чёрный ход.

Я неосознанно огляделась по сторонам. Запоздало осознав, что хочу отыскать свидетеля этого невероятного события. Потому что, когда Шамиль придерживает свою спутницу за талию, это не выглядит так сшибающе с ног.

Многих ли он держал за руку? Сильно сомневаюсь. Этот простой жест мне почему-то кажется более интимным, важным. Или он думает, что стоит ему отвернуться, как я снова сбегу?

К моей досаде, никого рядом не оказалось.

Пока пребывала в шоке, Шамиль усадил меня на пассажирское сиденье и сел за руль. Я не понимала, куда мы направляемся. Если ему нужно моё тело, почему не воспользовался им там, в своём клубе?

Мягкий ход машины и рёв двигателя успокаивали, убаюкивали. Правда, вид мелькающей за окном картинки подсказывал, что мы едем на очень высокой скорости. Но меня это мало волновало. Шамиль выглядел невозмутимым, уверенным, эта уверенность в том, что всё в порядке, перекинулась и на меня. Я просто устроилась полубоком к нему, рассматривая его красивый профиль.

Как можно в один момент не проявлять никаких эмоций, выдающих, что он всё же человек, а не робот, а спустя секунду, оказавшись наедине со мной, вести себя дико, необузданно, будто он вороной арабский жеребец. Впрочем, судя по его достоинству, он тот ещё жеребец.

Щеки тут же залило краской, а тепло скатилось к низу живота, окуная моё тело в незнакомую негу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rahmanina_elena/razrushu-tvoyu-zhizn

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)